

Александр Шубин

РИТМЫ ИСТОРИИ

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ
ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Annotation

В работе 1996 г. А. Шубин сжато изложил свою «периодическую теорию общественного развития», опубликованную ранее в книге «Гармония истории» (написана в 1990 г., вышла в 1992 г.). В «Ритмах истории» автор пересмотрел и уточнил многие детали своей концепции и даже «цифровой ряд», позволяющий кратко характеризовать стадии общественного развития, которое имеет, по мнению автора, фрактальный характер.

Художник-иллюстратор Николай Соболев.

Q.A.

- [Александр Шубин](#)
  -
  - [ЗАГАДОЧНЫЕ АНАЛОГИИ](#)
  - [ОТСТУПЛЕНИЕ ОБ ИНДУСТРИАЛИЗМЕ](#)
  - [ПЕРИОДЫ В ПЕРВОМ ПРИБЛИЖЕНИИ](#)
  - [ШПАРГАЛКА ДЛЯ СТУДЕНТА](#)
  - [МЕЖДУ МАРКСОМ И ТОЙНБИ](#)
  - [ЭПОХИ](#)
  - [ВАША ЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ](#)
  - [ПРУЖИНА ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ](#)
  - [МАКРОПОЛИТИКА](#)
  - [КЛАССЫ И СЛОИ](#)
  - [ЧТО ОБЩЕГО МЕЖДУ СССР И ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИЕЙ](#)
  - [XXI ВЕК](#)
  - [АНАЛОГ ТАБЛИЦЫ МЕНДЕЛЕЕВА ДЛЯ ИСТОРИИ?](#)
  - [Приложение](#)
    - [Ссылка по сноске #9](#)
    - [Ссылка по сноске #11](#)
    - [Ссылка по сноске #22](#)
    - [Ссылка по сноске #36](#)
- [notes](#)

- [*](#)
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)

- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)

- [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
  - [37](#)
  - [38](#)
  - [39](#)
  - [40](#)
  - [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)
  - [51](#)
  - [52](#)
  - [53](#)
-

Александр Шубин

Ритмы истории

Периодическая теория общественного развития

Произвол толкований и аналогий сегодня превзошел «исторический волюнтаризм» времен господства марксизма-ленинизма. Сегодня «в истории разбирается каждый». Публицисты и бизнесмены, режиссеры и государственные деятели находят в истории доказательства своей правоты уже совсем независимо от данных исторической науки. Еще бы — ведь в нашей стране она «скомпрометирована марксизмом-ленинизмом».

Между тем уже сама смена периодов, в которых отечественная элита ищет источник исторического опыта, говорит о существовании некоторых интересных исторических закономерностей. В 1990–1991 г. «общественность» заболела Столыпиным. Былой «реакционер» и «вешатель» превратился в пример для подражания «левых» и «правых». Затем в августе 1991 г. по понятной причине в центр внимания переместилась февральская революция. Дальше заговорили об опасности «нового октября», а после «мятежа» 1993 г. руководители страны и Петербурга вдруг вспомнили о Кронштадтском «мятеже». И, наконец, анализируя экономическую ситуацию, сложившуюся в стране весной 1994 г., О. Лацис писал: «Это — ситуация, которой наша промышленность не знала лет семьдесят, со времен кризиса сбыта 1921–1924 гг.»^[1] Тут мы видим уже не публицистическое сравнение, а констатацию экономического факта. Вслед за революционными событиями, закончившимися в 1921 и 1993 гг., возникла на редкость похожая экономическая ситуация. Такая смена в хронологическом порядке интересующих посткоммунистическое общество «аналогий» может говорить о том, что сами эти аналогии не случайны и вызваны к жизни более глубинными процессами. Понимая всю условность аналогий, попробуем использовать их в качестве «лакмусовой бумажки» для поиска более глубоких закономерностей.

ЗАГАДОЧНЫЕ АНАЛОГИИ

Как-то раз мне понадобилось составить характеристику одного государственного деятеля недалекого прошлого. Получилось примерно следующее: «Руководя сверхдержавой, проводил жесткую внешнюю политику, балансировал на грани мировой войны, не останавливался перед интервенцией для поддержки своих сателлитов. Внутри страны положение его было неустойчивым, приходилось постоянно лавировать между противоборствующими кланами, проявляя чудеса политического искусства. Для укрепления своего авторитета среди широких слоев населения и усыпления бдительности политических противников использовал ампулу «простака», близкого обычным людям, их покровителя. Отличаясь личной нетерпимостью, в то же время выступал против массового преследования инакомыслящих. Всеми доступными способами подавлял выступления трудящихся на экономической почве. При этом экономические трудности часто были следствием его собственного волюнтаризма. На завершающем этапе его правления авторитет среди населения падал, усилились противоречия с собственным аппаратом и военными кругами. Это привело к поражению в борьбе за власть.»

Кто это? Читатель, знакомый с отечественной историей XX века уже узнал противоречивый образ Никиты Хрущева. Ни Ленин, ни Сталин, ни Брежнев, ни Горбачев в этот портрет «не вписываются». Но все дело в том, что характеристика составлялась на руководителя другой сверхдержавы — на президента США Гарри Трумэна.

Совпадение? Может быть. В истории случается немало знаменательных совпадений. Попробуем сравнить преемников Хрущева и Трумэна. Период правления Л. Брежнева получил наименование «застой». Это было, пожалуй, наиболее консервативное правление в России с 1917 г. А вот что писал журнал «US news and world report» в канун выборов, которые привели к власти преемника Г. Трумэна Д. Эйзенхауэра: «После выборов 1952 г., независимо от того, кто победит — Стивенсон или Эйзенхауэр, — Белый дом займет самый консервативный президент за последние 20 лет».^[2] После Трумэна Америка тоже неотвратимо шла к консервативному

правлению. Более того, в 1976 г., когда о правлении Брежнева еще не говорили как о «застое», советский историк Э. Иванян писал: «Что же можно сказать о внутривластическом курсе Дуайта Эйзенхауэра? Американские историки и обозреватели позже отзывались о годах его пребывания на посту президента как о «периоде застоя» в области внутренней политики американского государства»^[3]. Снова совпадение? Приговор, произнесенный над временем Брежнева — только повторение характеристики периода Эйзенхауэра. Впрочем, экономически и время Эйзенхауэра, и время Брежнева характеризуется экономическим ростом. При Брежневе уровень жизни был выше, чем при каком-либо другом правителе России.^[4] Здесь «застой» весьма условен.

Продолжим наше сравнение. После Д. Эйзенхауэра к власти в США приходит Д. Кеннеди — более динамичный лидер, пытающийся провести реформы, способные обновить Америку, покончить с застоем. Президент вступает в конфликт с ВПК и хозяйственными руководителями, расистами и левыми радикалами. Он бросает вызов геополитическому противнику и подводит мир вплотную к грани военного столкновения. Но в то же время этот лидер был готов при благоприятных условиях отказаться от «холодной войны». В стране начинается массовое движение в защиту гражданских прав, расовые столкновения, сексуальная революция и «революция менеджеров», которые начали брать собственность под свой контроль. Конфликты, сдерживавшиеся консерватизмом предыдущего правления, выходят наружу. В 1963 г. начавший преобразования президент уходит в мир иной. Но начавшиеся с его приходом к власти процессы не заканчиваются — американская «перестройка» еще не была завершена, и гибель президента не могла остановить социальной конфронтации. Преемник Д. Кеннеди Л. Джонсон проводит внутривластический курс своего предшественника, лавируя уже не между партийными группировками, как Трумэн, а между массовыми движениями, вступившими в ожесточенную, подчас кровавую борьбу. На фоне социально-политического кризиса Америку потрясают этнические бунты, столкновения демонстрантов с полицией, террористические акты.^[5]

Лидеры СССР времени перехода от «застоя» к «перестройке» не пали жертвой покушений (по крайней мере, по общепринятой версии).

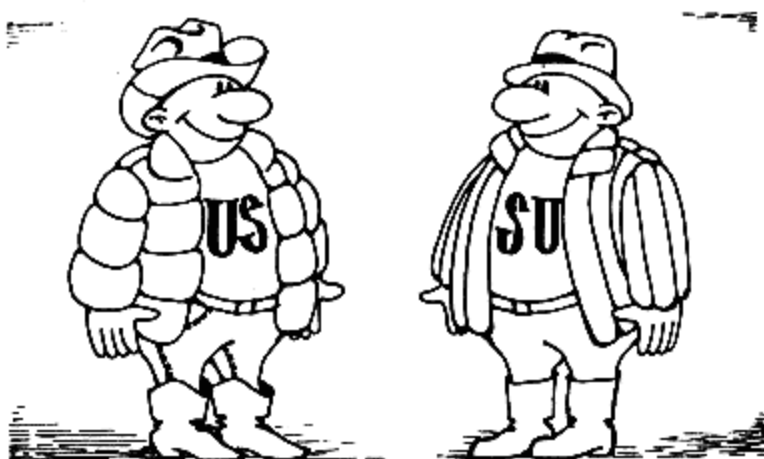

Андропов и Горбачев (а отчасти и Черненко, несмотря на его меньший динамизм) в 1983–1986 гг. решали во многом те же проблемы, что и Кеннеди, — отражение натиска геополитического противника, наращивание вооружений при одновременном поиске возможности снизить накал «холодной войны» и нащупать выход из ловушек, расставленных противником в «третьем мире»; осторожные попытки ограничить всевластие военно-промышленных монополий, борьба с мафией, «кадровая революция» в бюрократической среде. На раннем этапе конфронтации противники не смогли нанести генсекам такой же показательный удар, какой получил Кеннеди. Потом социально-политический кризис вышел из-под контроля, и Горбачев стал играть роль Л. Джонсона, от которого уже не так много зависело (соответственно, и смысл покушения терялся). В остальном сказанное о Д. Кеннеди и Л. Джонсоне (а точнее, о периодах их правления) относится также к Андропову и Горбачеву (к «Ускорению» и «Перестройке»), а также ко времени правления Б. Ельцина до 1993 г. Поведение руководителя страны отражает динамику социальных процессов, идущих в ней (иначе правитель не в состоянии удержаться). Не случайно мы именуем исторические периоды в честь правителей — «эпоха Екатерины», «викторианская эпоха», «хрущевский период», «время сталинизма». Сходство портретов лидеров СССР и США соответственно в 1953–1991 гг. и 1945–1968 гг. говорит о том, что эти страны проходили в эти отрезки времени сходные этапы развития. Конечно, характер этого сходства может быть различен, возможно — поверхностен. Но все же его следует как-то объяснить.

Однако, если взглянуть на период, предшествующий 1953 г. в СССР, мы увидим, что ничего подобного в США не было (если не считать гораздо более слабую волну преследований инакомыслящих («маккартизм»), которую можно сравнить скорее с преследованиями диссидентов в СССР в 50-60-е гг.). Однако в такой европейской стране, как Германия, мы легко найдем убедительную аналогию сталинизму. Тоталитаризация общества — явление, которое отличает историю двух групп индустриальных стран друг от друга. Но как только мы делаем еще один шаг назад, выяснится, что тоталитарный режим — всего лишь «зигзаг» истории. Российский НЭП — модель государственно-регулируемой рыночной экономики. Но именно государственно-регулируемая рыночная экономика возникла в США в

правление Рузвельта. Российский НЭП стал своего рода «полигоном» индустриальной цивилизации, опыт которого использовался другими странами. [\[6\]](#)

Иллюстрации

ОТСТУПЛЕНИЕ ОБ ИНДУСТРИАЛИЗМЕ

Здесь следует сказать несколько слов об индустриализме, который часто присутствует в социологической литературе под псевдонимами «капитализм» и «реальный социализм». Мы считаем оба эти термина не совсем удачными, так как они представляют лишь две формы одного и того же структурного явления: роста, а затем и доминирования **ИНДУСТРИАЛЬНОГО УКЛАДА** — системы социальных отношений, основанных на специализации, отчуждении и управлении человека человеком во всех сферах его деятельности. Под индустриальной цивилизацией, индустриальным обществом и индустриальной экономикой здесь и далее понимаются цивилизация, общество и экономика, в которых существует быстро растущий или доминирующий индустриальный сектор. Таким образом, индустриальным мы будем называть и раннеиндустриальное (аграрно-индустриальное) общество, в котором отчуждение работника от средств производства уже началось, уже приняло необратимый характер, но еще не закончилось.

Развитие индустриального уклада, которая, как мы увидим, во многом является переломным для истории мировой цивилизации, распадается на три важнейших этапа. Первый — становление индустриального уклада в недрах традиционного общества. В это время он быстро растет, разлагает ткань традиционного общества, оказывает мощное воздействие на всю жизнь социума, но еще не является доминирующим социальным сектором — на мануфактурах и первых фабриках занято еще ничтожное меньшинство населения. Второй этап развития индустриализма связан со временем «буржуазных» революций и «свободного» капитализма. В это время индустриализм действительно можно отождествлять с капитализмом, так как индустриальный сектор был организован в форме спонтанно соревнующихся капиталов — организаций, управляющих группой индустриальных и/или торговых производств. Правящей элитой в индустриальной сфере (как правило, и в политике) становятся частные собственники — капиталисты и капитализированные землевладельцы.

Но это время продолжается недолго — «свободный» капитализм неустойчив и не может справиться с собственными социальными издержками. В итоге миссию «упорядочения» индустриального (как правило — еще аграрно-индустриального) общества берет на себя бюрократия (точнее, этакратия — слой социальных носителей государства), которая берет экономику под свой более или менее жесткий контроль, делая индустриальный сектор преобладающим. Одновременно правящий слой (социальные носители государства — этакратия) использует новые возможности концентрации общественных ресурсов для создания «социального государства» — системы перераспределения в пользу уязвимых (и потому «взрывоопасных») групп и самой этакратии (бюрократии). Последняя может стать одним из правящих классов наряду с частными собственниками (как на Западе), а может и полностью вытеснить их (как в СССР). Так возникает государственно-регулируемое индустриальное общество — «высшая фаза» индустриализма (государственно-монополистический капитализм, «реальный социализм»). Начинается развитие такого общества (мы будем называть его индустриально-этакратическим) с возникновения «НЭПа» и подобных ему методов государственно-монополистического регулирования.

В силу ряда причин Россия первой создала относительно устойчивую модель государственно регулируемой индустриальной экономики (система государственного регулирования экономики в Европе во время Первой мировой войны была демонтирована с наступлением мира). Вскоре по этому пути пошел и Б. Муссолини, и Ф. Рузвельт, и правительство Народного Фронта во Франции. Где-то государственное регулирование индустриальной экономики проходило более удачно, где-то — менее. Но везде наряду с буржуазными (буржуазно-помещичьими) элитами (частными собственниками) или без них к руководству обществом и экономикой пришла коллективная элита — этакратия. (Под элитой в этой работе понимаются управляющие слои общества).

ПЕРИОДЫ В ПЕРВОМ ПРИБЛИЖЕНИИ

Все страны, вышедшие на уровень «социального государства», а точнее — в индустриально-этакратическую эпоху, обязательно прошли и свой «НЭП», и свой период «Хрущева-Трумэна», и свой «застой», и свою «перестройку». Некоторые по дороге попали в «ловушку» тоталитарного периода, из которой рано или поздно вышли, чтобы, хоть и в изуродованном тоталитаризмом виде, но вернуться на общую дорогу.

Каждая страна проходила общеобязательные периоды со своей скоростью и со своими национальными особенностями. Но мне не известно ни одной страны, достигшей соответствующего уровня развития социальной структуры, которая развивалась бы иначе.

В краткой работе мы не сможем подробно остановиться на нюансах этого развития, но в качестве примера укажем хронологические рамки послевоенных периодов еще в двух европейских странах «на выбор». Италия: «период Трумэна» — 1944–1953 гг., «застой» (повторим, что «застой» весьма динамичен экономически) — 1953–1960 гг., «перестройка» — 1960–1971 гг. Германия, соответственно, 1945–1949, 1949–1966, 1966–1968.^[7] Такие же ряды дат можно привести по любой европейской стране, кроме «отстающей» Албании. Каждая страна проходит эти периоды в своей форме. Так, США, СССР и Италия прошли «перестройку» в более тяжелой форме, чем Великобритания и Франция (хотя по «яркости» событий французы опередили всех). Но для всех развитых стран кризис индустриально-этакратического общества имел далеко идущие последствия — он положил начало более или менее болезненному вызреванию новых, постиндустриальных отношений. Несмотря на все различия в социальных процессах разных стран, проходящих определенный период, мы можем найти один и тот же набор черт, о котором речь пойдет ниже. Это уже не просто аналогии.

Не всегда период протекал в своей «классической форме». Не всегда он соответствует правлению одного правителя (мы уже видели это на примере Андропова-Горбачева-Ельцина и Кеннеди-Джонсона.

Примером этого может быть Франция. «Хрущевский» период (начался в 1944 г.) в условиях неустойчивой социально-политической системы не давал ни одному из политиков долго удерживаться на вершине власти. Только после прихода к рулю государства генерала де Голля в 1958 г. Франция вошла в период равновесия, что не исключало острых конфликтов на периферии государства (в Алжире). Де Голль этого времени напоминает скорее Эйзенхауэра, чем Брежнева (хотя и генсек в первые годы своего правления был вполне импозантен), но трудно спорить с тем, что период 1958–1962 гг. характеризовался самым авторитарным правлением во французской истории второй половины XX в. Свои экстраординарные полномочия де Голль использовал для прекращения колониальной войны, которую прежде поддерживал. Однако это привело к нарушению равновесия, так как распад колониальной империи вызвал у бывших голлистов те же чувства, что распад СССР — у идейных коммунистов. Социально-психологический шок, который испытала часть французов, поразительно напоминает ситуацию 1990–1992 г. на просторах СССР. Но если в нашей стране кризис социальной и имперской систем совпали, то во Франции они разошлись во времени. Де Голль сначала осуществил перестройку отношений со странами, входившими в империю (и при этом чуть не был убит правыми радикалами, выражавшими интересы тех, кто пострадал от победы националистов в новых республиках), а уже потом занялся модернизацией французского общества. Этот процесс увенчался в 1968 г. серьезным социально-политическим кризисом, напоминающим российские события 1989–1991 гг., спрессованные в два месяца.

Де Голль продемонстрировал своевременный и эффективный переход от «застоя» к «перестройке» без смены правителя. Дело, собственно, не в самом правителе, а в тех процессах, которые при нем происходят. Если он сможет удачно подстраиваться под веления времени, то и править станет всю жизнь. Кстати, де Голлю это не удалось — к концу своего правления генерал стал изрядно раздражать французов и вынужден был уйти в отставку после поражения на референдуме 1969 г.^[8]

Регулярная повторяемость периодов в прошлом дает нам возможность заглянуть в будущее, посмотрев на историю стран, ушедших в развитии дальше нас. После американской «перестройки»

наступил период правления Р. Никсона, характеризующийся усилением авторитаризма и относительной экономической стабильностью. Но на этот раз система была не так устойчива, как в период Эйзенхауэра. Как только задача социально-экономической стабилизации была выполнена, против руководителей исполнительной власти начинается настоящая травля, которая стоила карьеры президенту и вице-президенту США, а в аналогичных условиях — и президенту ФРГ в 1969 г. (президент Франции на этом этапе умер сам, и его память оставили в покое). Восточноевропейские режимы этого типа были прочнее, так как за ними стояла поддержка «Большого брата». Но как только она ослабла — в 1989 г. рухнули и они.

Далее следует торжество формально-демократических принципов, возвращение к рыночной системе с сильным государственным вмешательством в экономику. Накал политических страстей снижается, проблемы, будоражившие общество последние десятилетия, постепенно отходят на второй план. К таким обществам относятся посткоммунистические Польша, Венгрия и Чехия; США времен Д. Картера, Великобритания при лейбористах в 1974–1979 гг. и Швеция при социал-демократах в 1981–1991 гг. Затем наступает период неоконсерватизма (наиболее яркий пример — последнее правление консерваторов в Великобритании). Далее не прошла еще ни одна из стран мира. Но мы можем «вычислить» еще один период. Он предшествует наступлению индустриально-этакратической эпохи и завершает эпоху «буржуазных» и «пролетарских» революций, определив вариант дальнейшего развития страны в XX веке. В России это революционный всплеск 1921 г., который заставил большевиков ввести НЭП. В Италии это — бурные события 1920–1922 гг., приведшие к власти Муссолини. В Германии — 1932–1933 гг. Во Франции — 1935–1936 гг. В США — великая депрессия 1929–1933 гг. Этот период мы «разместим» после всего ряда «НЭП» — «тоталитаризм» — «хрущевизм» — «застой» — «перестройка» — «нормализация» — «успокоение» — «неоконсерватизм».

Сравнив развитие периодов в разных странах, мы можем выделить универсальные черты, комплекс которых сохраняется в любой стране, если она проходит соответствующий период — независимо от особенностей ее развития.

Первый период, который мы условно называли «НЭПом», в дальнейшем будет обозначаться термином «ФОРМИРОВАНИЕ». Его черты:

- Фактическое признание большинством общества новых принципов социального устройства (принципов комплектования элиты, ее взаимодействия с основными социальными слоями, порядка доступа к общественному богатству и власти).

- Установление баланса между основными социальными слоями новой эпохи, нарушения которого носят вспышечный характер.

- Формирование новой социальной элиты и ее кланов.

Новые социальные слои, которые стали доминирующими в этой эпохе, еще тесно связаны со старыми и между собой.

- Расширение сектора (секторов) экономики, который будет определять ее развитие в новой эпохе.

- Относительно динамичное в сравнении с предыдущим и последующим периодами развитие различных секторов экономики и социальных укладов в жестко поддерживаемых элитой социально-политических рамках.

Второй период, который, как мы видели, не обязателен, мы будем называть «РЕАКЦИЕЙ»^[*]. Его черты:

- Резкое усиление власти социальной элиты, ее внутренняя централизация, разрушение механизмов контроля над элитой со стороны общества.

- Разрушение сложившихся общественных структур и их перестройка на принципах жесткого административного управления. Вся легальная жизнь общества подчиняется руководству центра, а несовместимые с этим подчинением социальные структуры уничтожаются. Такая же перестройка проходит и в элите, что может сопровождаться кровавым террором.

- Снижение эффективности хозяйства, что компенсируется широким применением внеэкономических форм принуждения к труду.

- Внедрение крупных, легче управляемых хозяйственных форм, ориентированных на военное производство, что приводит к экономическим диспропорциям.

- Распространение «гигантомании» на сферу культуры, уничтожение неподконтрольных культурных форм (часто вместе с

носителями).

— Повышение агрессивности внешней политики.

Третий период, который мы связывали с именами Г. Трумэна и Н. Хрущева, далее будем обозначать термином «ПАТЕРНАЛИЗМ». Его черты:

— Установление системы взаимного покровительства на всех уровнях социальной системы, постепенное расширение границ, в рамках которых представители каждого социального слоя относительно свободны. Попытки перейти эти границы, нарушить установленную сферу свободы вызывают жесткие репрессии.

— Интенсивное формирование кланов (объединений) элиты (как правило, по территориальному принципу) и борьба за сферы влияния между ними. Высшее руководство лавирует между кланами, которые концентрируют власть в своих руках в ущерб центральному руководству. Последнее пытается использовать популистские методы для приобретения социальной поддержки вне основных кланов элиты.

— Децентрализация экономического регулирования, реформизм, смена диспропорций (старые диспропорции сглаживаются, затем нарастают новые).

— Активизация культурной жизни в широких слоях общества, но преследование авангардных форм культуры, инакомыслия и нонконформизма;

— Во внешней политике страна эффективнее в обороне, нежели во внешней экспансии.

Четвертый период («застой») — РАВНОВЕСИЕ. Черты периода:

— Относительное равновесие социальных слоев, кланов элиты при усилении центрального руководства, консерватизм политической системы.

— Расцвет конформизма в обществе и культуре, вытеснение альтернативных экономических и культурных форм в нелегальную и полуполигальную сферу. Борьба с нонконформизмом, который оформляется в оторванные от общества течения (диссидентство).

— Экономический рост с тенденцией к затуханию.

— Усиление бюрократии, расцвет коррупции, переплетение «теневых» секторов общества с организованной преступностью.

- Постепенное усиление альтернативных («теневых») социальных слоев, рост напряженности в обществе.
- Национально-территориальная консолидация.

Пятый период — КОНФРОНТАЦИЯ, своего рода кульминация эпохи. Его черты:

- Нарушение сложившихся в обществе связей в борьбе различных социальных сил за передел сфер влияния в обществе.
- Раскол элиты и других слоев общества, формирование неустойчивых блоков, в которые входят части социальной элиты и других слоев («вертикальное» размежевание общества в отличие от привычного противостояния правящей элиты и остальных слоев).
- Структурная перестройка экономики, попытки ее модернизации, нестабильность экономической ситуации, как правило — экономический кризис.
- Политизация общества, политические преобразования, усиление влияния идей, которые будут определять развитие общества в следующую эпоху.
- Падение авторитета власти, рост экстремизма в обществе, всплески политического насилия и этноконфликтов.
- Ослабление внешнеполитических позиций страны, возможно вовлечение ее в разрушительные внешнеполитические авантюры.

Шестой период — НОРМАЛИЗАЦИЯ. Его черты:

- Компромисс кланов элиты, опирающийся на организованное насилие государства и подавление социально-политических сил, отказывающихся от участия в компромиссе. Политическая пассивность населения.
- Консерватизм и неустойчивость режима. Сохранение давления на властную элиту со стороны других социальных слоев.
- Экономическая нестабильность, но постепенный выход из кризиса.

Седьмой период — ИНТЕГРАЦИЯ. Его черты:

- Стабильность и равновесие социальных сил, их социально-культурное дистанцирование.

— Относительное равновесие экономического развития, повышение благосостояния большинства населения, поддержка «бедных». Постепенное торможение развития в результате консервации институтов социально-экономического регулирования.

— Умеренный плюрализм в политике, сосуществующий с конфликтами в сферах соприкосновения основных социальных слоев, сохранение политического и идеологического экстремизма части оппозиции.

— Усиление структур гражданского общества.

Восьмой период — СИНТЕЗ. Его черты:

— Ускоренный рост новых социальных слоев и отраслей экономики.

— Демонтаж структур старого экономического уклада при консервации политического режима.

— Подавление социальных выступлений против этой структурной перестройки. Возможны чистки и в среде правящей элиты.

— Быстрое расслоение общества.

— Укрепление идеологических и социально-политических течений, стремящихся к изменению принципов социального устройства, определяющих развитие существующей эпохи.

Девятый период, непосредственно предшествующий «НЭПам» (революционный всплеск в России 1921 г. и переход к политике НЭПа; «Великая депрессия» в США 1929–1932; приход к власти Народного Фронта во Франции и Муссолини в Италии) мы будем называть «ИМПУЛЬСОМ». Это своего рода «революция», в которой определяются принципы построения новой общественной системы, тот или иной вариант ее развития. Как правило, этот период крайне непродолжителен, хотя иногда затягивается и на годы. Его основные черты:

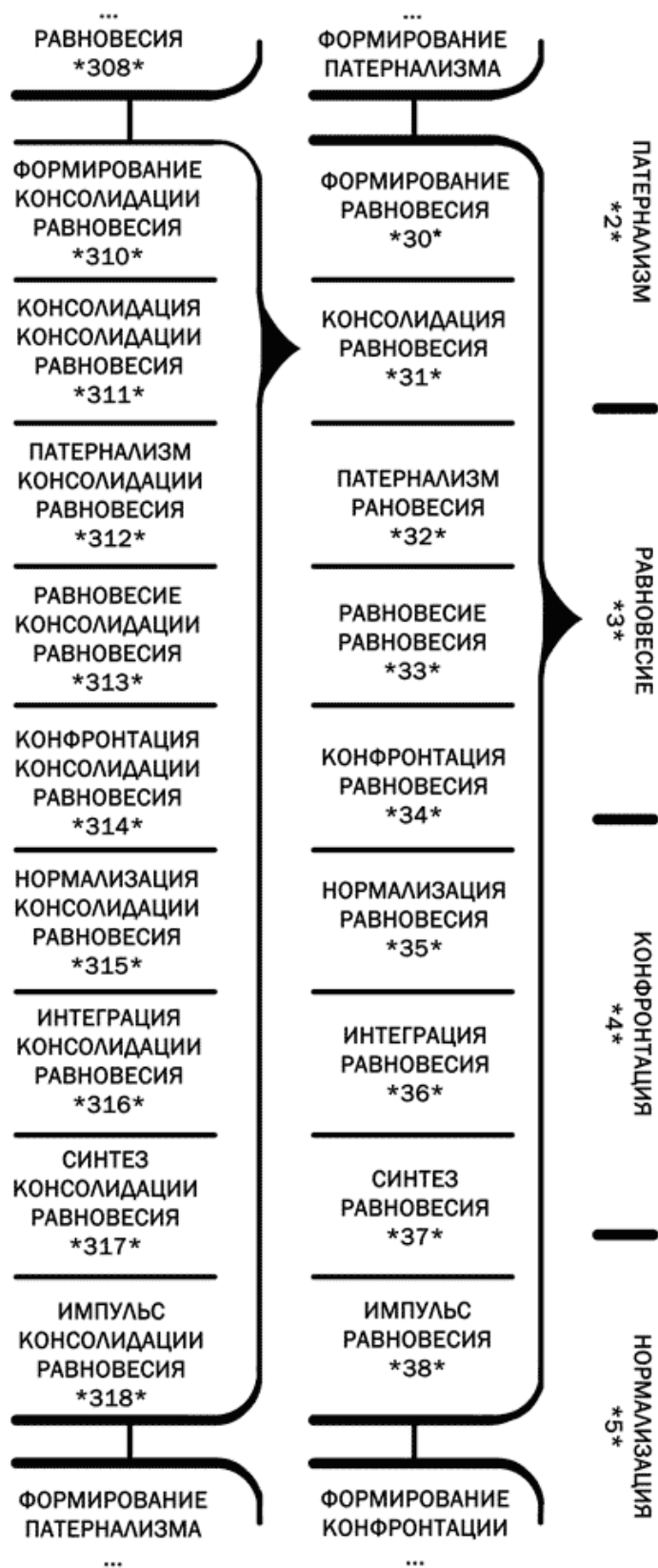
— Быстрый перебор различных вариантов развития, к которым страна будет затем возвращаться на протяжении всей эпохи.

— Борьба идейно-политических течений, которые предлагают различные формы грядущего социального порядка, и утверждение одной из этих форм.

— Неустойчивость политической структуры.

Указанные признаки выделены пока чисто эмпирически. Можно заметить, что одни черты вытекают из других. Иногда понятен и механизм перехода от одного периода к другому. Но почему нельзя перейти от «равновесия» сразу в «нормализацию» или «интеграцию». Почему каждое общество должно хотя бы на короткое время посетить в указанном порядке каждый период, кроме «реакции» (мои попытки найти исключение пока не удались)? Об этом — ниже. А пока отметим еще одно интересное явление — смена периодов не ограничивается индустриально-этакратической (государственно-монополистической) эпохой.

Иллюстрации

ШПАРГАЛКА ДЛЯ СТУДЕНТА

Даже если, по Вашему мнению, все изложенное здесь не стоит выеденного яйца, сравнение исторических периодов имеет прикладное значение. Именно в студенческие годы я обнаружил цепочки «подозрительно» точных совпадений разных эпох, будь то древний Рим или современный Китай. Это позволяет быстро запоминать исторический материал. Нужно только понять, какому известному сюжету соответствует новый материал, вставить в нужные «полочки» даты и имена, а также наиболее существенные различия (каковых на проверку не так много) — и идти на экзамен. Этот метод меня не подводил.

Приведу пример. Если Вам знакома история России XVIII в., то совсем несложно запомнить фабулу английской истории XVI в. Если вынести за скобки правление Екатерины I (что несложно, ибо она, возглавляя государство, в истории почти не «наследила»), то сходство поразительное. Великие монархи Петр I и Генрих VIII, малолетние Петр II и Эдуард VI, кровавые Анна и Мария, блестящие, удачливые в интригах и внешней политике Елизаветы (тут даже имя не нужно запоминать), пережившие опалу и достигшие трона.

Конечно, в этом совпадении много внешнего. Такая точность — не частое явление. Но это и не просто совпадение. Между перечисленными государями наблюдается общность не только возраста и пола, но и политики — а это уже признак закономерности. Генрих VIII и Петр I — пионеры авторитарной «модернизации», в данном случае — превращения своих стран в мировые державы путем увеличения их военно-промышленного могущества. Такая политика — признак стадияльной общности двух правителей, занимающих одну и ту же нишу при переходе от феодального общества к абсолютизму и раннему индустриализму. Отсюда и другие черты явного сходства их политики: резкое усиление налогового гнета, жестокое и решительное подавление народных волнений, переход к цезарепапизму, терроризм обоих государей, ради «государственных интересов» жертвовавших ближайшими родственниками (в случае Генриха — и советниками). В то же время, в отличие от Ивана Грозного, Генрих и Петр

воздержались от массовой резни элиты — им нужна была сохранность государственной машины.

После смерти «великих» «диадохи» добиваются прихода к трону слабых государей (для этого идеально их малолетство), при которых усиливается борьба кланов за власть, но ослабляется нажим государства на народ. Естественным следствием является победа одной партии и ее кровавый террор против другой. Затем происходит мобилизация правящей элиты против новой напасти и утверждение на троне популярной в ее среде и опытной в делах конспирации (опала не проходит даром) правительницы. Как видим, нет ничего более закономерного, чем исторические случайности.

Приведенная выше «студенческая шпаргалка» (которая на практике может быть гораздо подробней) имеет прямое отношение к периодам, обнаруженным нами в XX в. Рассмотрим основные периоды истории России времен династии Романовых, продолжая держать в памяти черты этих периодов. Смутное время — классический «импульс» (а значит, признак завершения предыдущего большого цикла — эпохи). Допетровская Россия XVII века — «формирование». Даже политическая борьба идет по тем же правилам, что и в период НЭПа — сначала формирующийся российский абсолютизм расправляется с ортодоксами-раскольниками («троцкисты»), а затем со своими недавними умеренными союзниками, не готовыми поддержать неограниченное самодержавие и антикрестьянскую внутреннюю политику (Патриарх Никон — «бухаринцы»). Конечно, колорит эпохи накладывает на события свой неповторимый отпечаток — вместо бунтов XVII в. в XX веке мы видим рабочие стачки, вместо крестьянской войны — волну крестьянских восстаний. Но, что характерно, аналогичные друг другу события обоих столетий следуют друг за другом в определенном порядке и в XVII, и в XX в.

Этот порядок наводит нас еще на одно важное заключение — смена «мини-периодов» присутствует и внутри каждого периода. В XVII в. «формирование» прошло их полный набор (что, как мы увидим, бывает не всегда): «формирование» — 1613–1645 гг., «патернализм» — 1645–1652 гг., «равновесие» — 1652–1658 гг., «конфронтация» — 1658–1671 гг., «нормализация» — 1671–1676 гг., «интеграция» — 1676–1689 гг., «синтез» — 1689–1698 гг.). В дальнейшем такие периоды в периоде мы будем называть стадиями

первого уровня (соответственно — стадии в стадиях первого уровня — стадиями второго уровня и т. д. — обычно стадии несложно проследить до 5–6 уровня). В связи с этим нам пора ввести определенную иерархию этапов развития различной интенсивности. Эпохи состоят из периодов, периоды — из стадий первого порядка, стадии первого порядка — из стадий второго порядка и так далее.

Но вернемся к периодам романовской России. Период 1698–1741 гг. Петровская индустриализация, резкое усиление налогового прессинга крестьянства, подавление попыток сопротивления как со стороны крестьян, так и со стороны других социальных слоев от бояр до стрельцов, политика широких репрессий в отношении потенциальных заговорщиков, захват Прибалтики и всеобщая бюрократическая регламентация. Если забыть о привитом нам с детства стереотипе благотворности петровских преобразований и применить к периоду 1698–1740 гг. критерии периода «реакции», то мы увидим родство первой половины XVIII в. с СССР времен Сталина.^[9] Конечно, при этом следует выносить за скобки различие между индустриально-этакратической эпохой XX в. и раннеиндустриальной (абсолютистской) эпохой XVIII в. В остальном оба «индустриализатора» подпадают под перечень черт «реакции».

И все же масштабы деформации общества в XVIII и XX вв. заметно разнятся. Это не влияет на характеристики периода (они выдерживаются) и может быть разъяснено разницей эпох. Но не только. Сравним «мини-периоды» (далее — стадии) внутри периодов 1930–1953 гг. и 1698–1740 гг. Формирование — 1930–1932 гг. и 1698–1725 гг. Реакция — в сталинское правление это время великого голода 1932–1933 гг. В XVIII в. подобное явление не обязательно, что не должно нас смущать — реакция и на уровне периодов не обязательна. Патернализм — 1933–1934 гг. и 1725–1730 гг. Стадиальное равновесие при Сталине — 1935–1936 гг., конфронтация — 1936–1939, нормализация — 1939–1945 гг., интеграция — короткая «оттепель» 1945–1946 гг., синтез — 1946–1953 гг., импульс — 1953 г. В XVIII в. находим точные аналоги только для последних трех стадий — короткая попытка верховников ограничить самодержавие в 1730 г., жесткое правление Анны Иоанновны 1730–1740 гг., и переворотный импульс 1740–1741 гг. Таким образом, в XVIII в. Россия объехала три центральные стадии периода реакции, которые в XX в. составили

наиболее разрушительный и кровавый период 1935–1945 гг. Так что смена периодов и стадий (а также стадий в стадиях и так далее) не исключает субъективного фактора, в частности, возможности избежать наиболее опасных поворотов истории — периодов реакции, стадий реакции и трёх центральных стадий. На этом уровне обязательными являются формирование, патернализм, интеграция, синтез и импульс (как мы увидим, теоретически может «выпадать» и стадия синтеза, но таких примеров не приходилось встречать).^[10]

Период 1741–1825 гг. демонстрирует нам пример «патернализма» или, выражаясь языком XX в., «оттепели». Как и во времена Хрущева, здесь есть свои «заморозки» и бунтовские взрывы (в этом проявляются и сменяющие друг друга стадии), но в целом критерии периода выдерживаются. «Равновесие» — 1825–1855 гг. — Россия Николая I. Уже заметно ускорение развития страны в XIX в. «Конфронтация» — 1855–1881 гг. — время «Великих реформ» и народнического терроризма. Затем следует «нормализация» Александра III (1881–1894 гг.), недолговечная «интеграция» в начале правления Николая II (1894–1899 гг.), сменившаяся также непродолжительным политическим, социальным и экономическим «синтезом» (1899–1904 гг.). И, наконец, импульс — «осенняя весна» 1904 г., завершившаяся Кровавым воскресеньем — грань новой эпохи — эпохи революций (1905–1921 гг.). Резкое ускорение развития России после реформ Александра II — яркий пример догоняющего развития, которое создает непрочную социальную структуру, подверженную «великим потрясениям», которые и постигли Россию в начале XX в.^[11]

Как мы заметили, смена указанных периодов в прошлые века — исключительная особенность России. Обратимся к какой-нибудь другой стране. Например, к истории Франции. Смута Религиозных войн в их наиболее острый период 1572–1594 гг. — затянувшийся «импульс», завершение предыдущей эпохи. Затем «формирование» в правление Генриха IV (1594–1610 гг.). Франции удалось миновать период «реакции» в эту эпоху и сразу перейти к «патернализму» (1610–1624 гг.). Кстати, это время дворцовых интриг и неустойчивого абсолютизма очень напоминает Россию второй половины XVIII в. Но Франция быстрее перешла к «равновесию» времени кардинала Ришелье. Таким образом, стадияльно лейтенант мушкетеров д'Артаньян — «современник» Печорина. Несмотря на разницу

костюмов, условия жизни дворянства обоих периодов близки. Их волнуют прежде всего служба, дуэли, долги и романтические приключения от скуки. Но стоит сравнить д'Артаньяна с русским дворянином XVII в. — и контраст бросится в глаза.

Между тем «равновесие» сменяется «конфронтацией» 1643–1652 гг., наиболее яркая часть которой известна под названием «Фронда». Все аксессуары «конфронтации» здесь налицо — и баррикады, и восставшие толпы, и жаркая борьба группировок элиты (как не сравнить и с недавней историей нашей страны). Но затем наступает «нормализация» — у власти утверждается «Король Солнце» Людовик XIV.^[12] При всем кажущемся блеске, его режим неустойчив («нормализация» — это не «равновесие») — недаром Людовика хоронили в тайне от подданных. Затем следует «интеграция» времен Людовика XV и «синтез» Людовика XVI. Чтобы понять разницу времен правления трех последних Людовиков, имеет смысл взглянуть на характеристики трех последних периодов. А дальше, как и в России — импульс (1788–1789) и эпоха революций и капитализма (1789–1936). Круг замкнулся. (Для экономии места мы опускаем разбор аналогичных периодов упомянутой выше Британии и десятков других стран от США до Кореи. В настоящее время автор располагает соответствующим материалом в отношении большинства стран мира.)

Так что же — история во всех странах однообразно движется по кругу? Вряд ли. Не случайно мы обращали внимание на особенности эпох. Одни и те же комбинации разыгрываются не только в разных вариациях, но даже на разных «шахматных досках». Черета периодов абсолютистской эпохи проходит, и наступает эпоха революций и «капитализма». Проходит черета периодов этой новой эпохи — и неизбежно наступает время индустриальной этакратии («социального государства»). Когда закончится черета ее периодов, наступит новая эпоха. Сам порядок смены этих эпох тоже наводит на размышления. Относительно равновесная эпоха абсолютизма сменяется конфронтационной эпохой революций, а затем наступает новый Порядок, хотя и более хрупкий, чем система абсолютистского общества. Это Вам ничего не напоминает? «Равновесие» — «Конфронтация» — «Нормализация». Если проследить эту цепочку в глубь веков, можно без труда обнаружить феодальный

патерналистский строй. Внимательный читатель уже понял, к чему я клоню, а посему зайдем с другой стороны.

Иллюстрации

МЕЖДУ МАРКСОМ И ТОЙНБИ

Автор этой статьи не является марксистом. С позиций сегодняшнего дня мнение оппонентов К. Маркса во многих случаях представляется мне более убедительным. Но у К. Маркса-теоретика есть одно несомненное достижение. Это — формационная теория. Конечно, К. Маркс не является первооткрывателем стадильности общественного развития. Это признавал и Ф. Энгельс^[13]. Но в работах К. Маркса впервые появилось понятие формаций — социальных комплексов, сменяющих друг друга. Под влиянием своей профессии эти формации К. Маркс определил как общественно-экономические, основанные на определенных форме собственности и способе производства (экономический детерминизм К. Маркса нельзя признать вполне обоснованным). Создать стройную концепцию сменяющих друг друга формаций К. Маркс не успел. Он построил подробную модель «капиталистической формации», предсказал появление в будущем «коммунистической», призванной преодолеть классовый антагонизм. Но с докапиталистическими формациями возникли сложности — после первобытности возникали сразу две доминирующие формы собственности и следовательно, по Марксу — формации) — античная и азиатская, которые затем сменялись феодализмом^[14]. Чтобы как-то ликвидировать это раздвоение, последователи К. Маркса объединили античность и азиатские деспотии в «рабовладельческую формацию» несмотря на то, что ни в одной стране древности рабы не составляли большинства населения (применительно даже к «самой рабовладельческой» Греции это признают и сторонники концепции рабовладельческого способа производства^[15], а относительно стран Древнего Востока этот факт уже не вызывает никаких сомнений).

Естественно, такое насилие над историей вызывало время от времени «бунты» историков-практиков, которые доказывали вспомогательную роль рабовладения в странах Древнего Востока. Они выдвигали концепции параллельного существования двух способов производства в древности либо предлагали объединить все многообразие докапиталистических эксплуататорских обществ в

единой докапиталистической формации. Сторонники прежней концепции признавали, что название «рабовладельческий способ производства» и «рабовладельческая формация» во многом условны, и наряду с рабовладением важную роль здесь играет эксплуатация крестьянского населения государственной корпорацией.^[16] Идеологические органы каждый раз прекращали такие дискуссии. По ряду причин. Во-первых, утверждение о том, что государственная корпорация может быть эксплуататором сама по себе, а не как проводник воли какого-то иного класса, могло привести на мысль, что в СССР создано эксплуататорское общество с господствующим классом в лице государственной бюрократии. Во-вторых, предложение выделить две формации, существующие параллельно, а не последовательно, опиралось на богатый фактический материал о культурно-географических различиях стран Востока и Запада. Бросалась в глаза недооценка официальной идеологией местных особенностей, которые нивелировались формационной теорией. От теории отдельного «азиатского» способа производства — один шаг к цивилизационной теории, противостоящей стадияльному (в частности — формационному) подходу к общественному развитию (и также к обнаружению черт азиатского способа производства в СССР).

Дискуссии советских историков «сворачивались», но марксистско-ленинскую «пятичленку» это не спасло. Коммунизм не наступил, ограничения на свободу дискуссий исчезли, и официальная доктрина была разрушена. Но, избавившись от искусственной схемы, историческая публицистика, а за ней и наука, стали «выплескивать из купели ребенка», полностью отказываясь от формационного подхода.

В качестве альтернативы, естественно, выдвигается представление о том, что человечество развивается не поступательно, а «по кругу». Каждый этнос (или цивилизация, или культура) проходит определенный цикл развития и угасает. Его место занимают более молодые цивилизации, проходящие те же циклы развития. Наиболее крупными представителями этой концепции являются О. Шпенглер и А. Тойнби. На отечественной почве большую известность получила концепция «этногенеза» Л. Гумилева, фактически являющаяся вариантом цивилизационного подхода. Несмотря на то, что авторы цивилизационных концепций выделяют определенные стадии развития каждой цивилизации, человечество в целом фактически не

может развиваться — ведь каждая цивилизация движется по кругу. У А. Тойнби прогресс прослеживается только в религиозно-духовной сфере. Цивилизации, отошедшие в XIX-XX вв. от тесной связи с церковью, рассматриваются А. Тойнби как регресс в развитии человечества, как «суетное повторение секулярных цивилизаций»^[17]. В этом смысле англичанин XIV века более развит, чем современный обитатель Великобритании. Человечество движется по кругу. Все уже было.

Однако нельзя не заметить резкой грани, которая пролегает между некоторыми историческими эпохами, качественно изменяя способ существования. Иллюстрируя качественное различие между людьми, жившими до и после индустриальной революции, Б. Вышеславцев приводит мысль М. Эверета: «Вообразите себе Сократа, внезапно перенесенного в Англию или Францию XVIII века; он быстро и легко ориентировался бы в этой жизни: те же методы работы, те же ткачи, та же навигация на парусах, те же лампы, немного усовершенствованные, те же колесницы, называемые теперь колясками, те же конные ристания, называемые скачками. Что могло бы удивить его, это разве только огнестрельное оружие и книгопечатание. А в остальном ему оставалось бы выучить английский язык и познакомиться с катехизисом англиканской церкви, и он мог бы продолжать свои диалоги в салонах Лондона». «Но, — продолжает Б. Вышеславцев, — перенесите Сократа или Апостола Павла, в современный Нью-Йорк, Лондон или Париж, и вы тотчас ощутите невероятную дистанцию веков».^[18] Речь идет о середине XX века. Этот пример был бы еще более убедительным, если бы сравнивались XV и XIX века. «Стиль жизни» XV века не отличается от сократовского и такими достижениями, как книгопечатание и широкое распространение огнестрельного оружия. Зато в прошлом столетии есть уже почти все, что определяет нашу жизнь сегодня. На резкую грань, связанную со временем индустриальной революции, указывали и марксистские, и немарксистские теоретики.^[19]

Своеобразным ответом теории цивилизации на проблему контраста доиндустриальных и индустриальных обществ явилась идея модернизации, предполагающая, что переход к «современному» (то есть индустриальному) обществу возможен лишь как экспансия «прогрессивных» культур в остальном мировом пространстве.

Постепенно под «модернизацией» понимается вестернизация, а «восточные» по своим культурным традициям народы объявляются лишенными внутренних источников к самостоятельному развитию. При этом Запад ассоциируется с идеями свободы (неудобные исторические факты западного деспотизма рассматриваются как исключения или замалчиваются), а «Восток» (то есть все остальные культуры, включая значительную часть европейских) — с авторитарностью и этатизмом. Западная культура оказывается универсальной линией прогресса, а ее распространение в той или иной стране — критерием «современности».^[20]

По существу борьба между цивилизационным и формационным подходами в их чистых формах — это борьба между двумя крайностями. Отрицание стадияльных различий — такая же крайность, как и отрицание этнокультурных особенностей. Между тем уже в марксистской историографии была сформулирована проблема «общего и особенного», которая дает возможность нащупать «золотую середину». Все страны проходят одни и те же стадии поступательного развития («прогресса»), но каждая проходит их по своей дороге.

Дополнение 2006 года: это не исключает, что, столкнувшись в проблемами, которые не может разрешить, с «барьером» в развитии, общество может начать движение в обратном направлении, повторяя смену стадий развития в обратном порядке — деградируя. Подобный эффект мы наблюдаем в нашей стране с начала 90-х гг., но еще быстрее, например, в Афганистане.

Более того. Стадии развития и культурные типы взаимосвязаны. Разные народы проходят одни и те же стадии по-разному: с большими или меньшими разрушениями и жертвами, с большей или меньшей энергией участвующих в событиях социальных слоев. Для одних стран более благоприятны «консервативные» стадии развития, для других наиболее продуктивны периоды революций (сравните, например, историю Великобритании и Франции). Культурные типы стран и этносов входят в своего рода «резонанс» с теми периодами общественного развития, которые в наибольшей степени соответствуют их социально-психологической структуре. При этом

крупные этнокультурные блоки «резонируют» с целыми эпохами. Диаспорные культуры Средиземноморья (греческая, иудейская и др.), например, пришли в «резонанс» с эпохой, которая в марксистской традиции соответствует части античности и средневековья (IV в. до н. э. — XII в. н. э.). В этот период эллинистическая и греческая культуры доминировали на огромных пространствах Азии и Восточной Европы, а весь Западный мир был «завоеван» вероучением, первоначально распространяемым еврейской диаспорой — христианством. Другой пример такого «резонанса» — всплеск активности романских культур в эпоху революций XIX века.

Свои резонансы происходят не только у культурных блоков, но и у стран. Временной масштаб и интенсивность таких резонансов меньше, но все же весьма заметна. Так, Россия в 20-30-е гг. «внезапно» превратилась в сверхдержаву, опыт которой использовался практически всеми передовыми странами мира. Российский коммунизм превратился в мировую религию с миллионами сторонников во всех уголках планеты. Резкий рывок России не был связан с глубинным резонансом на уровне эпохи и потому сопровождался гигантскими жертвами, созданием хрупких, неорганичных социальных структур.

Возникшая цивилизация СССР стала безусловным лидером славянского мира, но прошел необходимый срок, резонанс исчерпал свой ресурс, начался закат индустриально-этакратической эпохи, и цивилизация СССР устремилась к своему крушению. А вот положение США, которые принадлежат к иному культурному блоку, целиком «резонирующему» с эпохой, было во второй половине XX в. гораздо прочнее. Эта страна стала гегемоном мира, но вступает в полосу своего заката. Завершится эпоха — и американскую гегемонию постигнет судьба Римской, Византийской, Британской и Французской империй.

ЭПОХИ

Мир снова подходит к качественной грани своего развития. Чтобы оценить ее характер, вернемся к отмеченной выше грани XVIII и XIX столетий в Европе. Почему эта грань столь резка? В чем наиболее глубинное различие между неторопливым развитием цивилизации в предыдущие столетия и последующим «ускорением». В производственной сфере символом этого перехода является технологическая революция (промышленный переворот), в макроэкономической — «капитализм» — соревнование самовозрастающих частных капиталов, обострение борьбы за ресурсы, в интеллектуальной — переход от провиденциализма к рационализму, в информационной — развитие систем массовой коммуникации, в политической — возникновение национальных государств, начало эпохи революций и партийности. Все эти черты производны от важнейшего принципа новой эпохи — всеобщей специализации. XIX век — начало триумфа социума, основанного на специализации — индустриального общества. Развитие индустриального уклада имело множество важнейших последствий. Массовое тиражирование материальных благ привело к постепенной ликвидации биологического способа регулирования численности населения (голодная смерть и эпидемии), что повлекло за собой демографический взрыв. Ценой превращения человека в специализированный инструмент, индустриализм сумел создать искусственную среду, на время «защитить» человечество от природной стихии. Специализация потребовала отчуждения работника от средств производства, что привело к распространению принципа управляемости на производственную сферу и небывалой дотоле социальной мобильности, болезненной ломке традиционных институтов. Система всеобщего разделения труда потребовала создания стандартизированной национальной культуры и, следовательно, возникновения национальных государств. Индустриализм породил технократизм и рационализм мировоззрения и широкое распространение упрощенных знаний, необходимых для участия в индустриальном производстве («грамотность», «массовая

культура»). Борьба традиционных и быстро растущих новых элит, социальная ломка и мобильность вкупе с быстрым распространением упрощенных «рациональных» идеологий создавали предпосылки для многочисленных социальных потрясений.

Доиндустриальное общество качественно отличается от индустриального по целому ряду принципиальных параметров. Но важнейшим из них, на наш взгляд, является отсутствие узкой специализации производителя и, следовательно, отчуждения его от средств производства, подчинения управлению элиты во всех сферах жизни. Основная масса населения доиндустриальных обществ занята в аграрном секторе и не оторвана от естественной природной среды, так как искусственная среда, окружающая человека индустриальной эпохи, еще не возникла. Доиндустриальный человек прежде всего руководствуется не указаниями менеджера, а традицией, социальными нормами, формировавшимися веками (поэтому далее доиндустриальное общество мы будем называть традиционным). Индустриальное общество управляется элитой практически во всех своих сферах (но поскольку элита не является единой, это приводит к конвульсивности развития общества).

Традиционное и индустриальное общество — два важнейших этапа развития цивилизации, пройденных человечеством на сегодняшний день. Однако очевидно, что эти две крупнейшие формации имеют собственную внутреннюю структуру и могут быть разделены на эпохи, соотносящиеся с формациями марксистско-ленинской «пятичленки». Рассмотрим подробнее динамику развития традиционного общества.

Мы оставляем в стороне время первобытности, так как там речь может идти о переходе от животного состояния к цивилизации. Поэтому первой эпохой традиционного общества мы будем считать время т. н. «военной демократии». Эта эпоха становления традиционного общества может быть охарактеризована следующими чертами:

- Формирование традиционных норм, определяющих принципы социального устройства, и поддержание авторитетом общества неуклонного соблюдения уже сформированных норм.

- Формирование социальной элиты и ее кланов, возникновение элементов государственности и эксплуатации (устойчивого

неэквивалентного обмена).

— Внутренняя конфликтность формирующейся элиты. Кланов элиты и другие новые социальные слои еще тесно связаны с остальным обществом и между собой.

— Формирование секторов экономики, основанных на эксплуатации, постепенная концентрация ресурсов в распоряжении элиты.

Рассматривая следующую эпоху, мы должны определить свою позицию в споре вокруг «рабовладельческой формации», с которой хронологически совпадает эпоха, наступающая вслед за становлением традиционного общества. Как мы уже видели, концепция «азиатского способа производства» была основана на отсутствии на Востоке доминирующего рабовладельческого уклада. Но и в античных обществах рабовладельческий уклад не был даже «первым среди равных». Античные общества представляли собой прежде всего не сообщество рабов и рабовладельцев, а систему, объединявшую граждан и неграждан. Причем корпорация граждан эксплуатировала остальное население через систему налогового типа (это касается и греческих союзов, и Римского государства после того, как корпорация граждан сформировалась и приступила к завоеваниям). Такая система принципиально не отличается от Восточных деспотий, где господствующим классом также является государственная корпорация (этакратия), а крупнейшим — общинное крестьянство. Такой же «стержень» социальной структуры можно обнаружить и в ряде «раннефеодальных» обществ (их все же не решились квалифицировать как «рабовладельческие»), например — на Руси в X–XI вв. ^[21]

Между римской и, например, египетской моделями традиционно-этакратической формации существуют важные отличия, напоминающие (и не случайно) различия между западным и восточным вариантами тоталитаризма (периода реакции в индустриально-этакратическом обществе). Первая модель ориентирована на внешние завоевания, получение ресурсов путем агрессии против соседних народов. Именно с помощью внешних завоеваний государство получает и рабочую силу для хотя и вспомогательного, но важного рабовладельческого сектора. Для второй модели внешняя экспансия важна, но не является вопросом жизни и

смерти. И рабовладельческие хозяйства здесь базируются не только на притоке пленников, но и на «внутренних ресурсах».

Переход к этакратической эпохе после эпохи становления традиционного общества почти неизбежен (исключения уникальны, их гораздо меньше, чем количество стран, которым удалось миновать периоды реакции в других эпохах). Сформировавшись, разрастающаяся элита уже не может удовлетворить свои потребности в рамках «взаимовыгодного» сотрудничества с обществом, как в эпоху «военной демократии». Этакратия консолидируется и наносит по обществу удар (либо консолидированное общество превращается в корпорацию и завоевывает себе подданных). Элита отчуждается от общества, и каждый ее член отчуждается от оставшихся вне корпорации обшин. Он может существовать только как представитель корпорации. Этакратическая система порождает таким образом общество, которое имеет следующие важнейшие черты:

- Резкое усиление власти социальной элиты, ее консолидация в противостоянии остальному обществу (населению), разрушение или значительное ограничение механизмов контроля над элитой со стороны общества.

- Все структуры социума подчиняются руководству центра, а несовместимые с этим структуры уничтожаются. Такая же перестройка проходит и в элите, что может сопровождаться кровавым террором.

- Широкое применение внеэкономических форм принуждения к труду (рабство). Внедрение крупных хозяйственных форм.

- Распространение «гигантомании» на сферу культуры.

- Повышение агрессивности внешней политики.

Эта эпоха — своего рода пик, и в то же время кризис традиционного общества. Дальнейшее развитие отчужденной от общества элиты, которое обеспечило невозможные для предыдущей эпохи достижения культуры (кстати, вполне сравнимые с достижениями эпохи последующей), приводит к разорению экономики традиционного общества. Она просто не выдерживает такого интенсивного расходования ресурсов. Столкнувшись с кризисом, этакратическая система некоторое время может существовать за счет внешней экспансии. Но когда агрессия встречает непреодолимое

сопротивление других народов, коренная трансформация системы становится неизбежной.

Направления этой трансформации определяются самим характером кризиса традиционного общества в этакратическую эпоху. Отчуждение элиты от общества должно быть смягчено, ее составляющие должны быть теснее связаны с конкретной природно-хозяйственной средой. Это предопределяет децентрализацию элиты в следующую эпоху. Одновременно совокупные потребности элиты должны быть ограничены, а духовные достижения предыдущей эпохи хотя бы в значительной мере — сохранены. Эту функцию выполняет духовная корпорация церкви, которая поддерживает единство децентрализующегося социума и прочность его устоев. Так этакратическая иерархия постепенно преобразуется в систему феодального патернализма. Эта система более гибка, и традиционное общество получает дополнительные возможности внутреннего развития в новую, «феодальную» (точнее — феодально-этакратическую) эпоху. Перечислим ее черты, которые предопределены таким направлением развития:

— Установление системы взаимного покровительства на всех уровнях социальной системы, медленное расширение границ, в рамках которых представители каждого социального слоя относительно свободны. Попытки перейти эти границы, нарушить установленную сферу свободы вызывают жесткие репрессии.

— Господство автономных кланов элиты (как правило, по территориальному принципу) и борьба за сферы влияния между ними. Высшее руководство лавирует между кланами, которые концентрируют власть в своих руках в ущерб центру. Последний пытается приобрести социальную поддержку вне основных кланов элиты.

— Децентрализация экономической системы.

— Рост роли духовной культуры в регулировании жизни общества. Усиление социального значения идеологических дискуссий в рамках господствующей доктрины. Преследование авангардных форм культуры, инакомыслия и нонконформизма.

Трансформация традиционного общества позволяет выйти на принципиально новый путь развития цивилизации — индустриальный. Выход из этакратического кризиса смягчает остроту

вставших перед обществом проблем, но не решает их. Потребности элиты хотя и ограничены, но все же растут. Основная масса населения по-прежнему отторгнута от достижений духовной культуры (хотя в упрощенном виде население приобщают к религиозной культуре). Постоянной проблемой остается избыточное население, которое теперь не вовлечено в этакратическую корпорацию и рабовладельческие хозяйства. Одновременно возникают и новые возможности для решения этих проблем — представители элиты ближе к конкретному хозяйству, они могут со временем заняться его реорганизацией для получения большего количества благ в свою пользу. Само появление «излишнего» населения позволяет преобразовать всю эту массу (в случае разрушения системы церковного и общинного вспомоществования) в свободную рабочую силу, отчужденную от средств производства. Таким образом, трансформированное традиционное общество постепенно создает универсальные предпосылки для реорганизации хотя бы части хозяйства на новых «рациональных», индустриальных принципах, когда от средств производства отчуждены уже работники, когда может широко внедряться разделение труда, специализация на всех уровнях.

Но в условиях «феодализма» зачатки индустриализма все же не могут быстро развиваться. Эта эпоха слишком нестандартизирована (множество границ, народностей со своими языками и мерками, вооруженная борьба кланов по каждому поводу и т. д.), в ней слишком сильны принципы патерналистской иерархии, когда происхождение важнее финансового состояния. Полноценное становление индустриализма наступает только тогда, когда борьба элит за сферы влияния ослабевает (иногда — при активном участии связанных с зачатками индустриальной культуры городских слоев), и в обществе наступает относительное равновесие.

Итак, эпоха трансформации традиционного общества (феодално-этакратическая) сменяется эпохой становления индустриального общества («позднефеодальной», аграрно-индустриальной, «абсолютистской»), в которой феодальный и индустриальный сектора сосуществуют в относительном равновесии (последний усиливается). При этом этакратическая система, ослабленная в предыдущую эпоху, также укрепляется, балансируя на противоречиях традиционной и новой элиты.

Перечислим основные черты этой эпохи:

— Относительное равновесие социальных слоев, кланов элиты при усилении центрального руководства (иногда — в форме абсолютной монархии, иногда — в форме олигархии), консерватизм политической системы.

— Рост новых индустриальных отношений. Попытки их государственной регламентации. Постепенное усиление альтернативных («теневых») социальных слоев, рост напряженности в обществе.

— Усиление бюрократии, расцвет коррупции, переплетение «теневых» секторов общества с организованной преступностью.

— Национально-территориальная консолидация.

— Расцвет конформизма в обществе и культуре, вытеснение альтернативных экономических и культурных форм в нелегальную и полулегальную сферу, их рост несмотря на ограничения.

— Рост нонконформизма (несмотря на преследования), не признающего (в отличие от предыдущих ересей) основы господствующей доктрины и критикующей ее с «рациональных» позиций.

Становление индустриального общества и постепенное разрушение им традиционного уклада естественно приводит к новому кризису. Начинается эпоха революций и стихийного соревнования индустриальных организаций («капитализма»). Это время конфронтации социальных структур и спонтанного развития индустриального общества — такой же кризис развития, каким была этакратическая эпоха древности для традиционного общества.

Конфронтационная эпоха отличается следующими чертами:

— Нарушение сложившихся социальных связей в борьбе различных сил за передел сфер влияния в обществе. Внутренний социальный кризис. Ломка традиционных структур и повышение социальной мобильности. Раскол элиты и других слоев, формирование неустойчивых партийных блоков, в которые входят части социальной элиты и других слоев («вертикальное» размежевание общества в отличие от привычного противостояния элиты и населения).

— Структурная перестройка экономики, нестабильность экономической ситуации, спонтанность хозяйственного развития, разрушительные экономические кризисы.

— Усиление информационного обмена в обществе, его идеологизация и политизация, манипулирование массовым сознанием, усиление влияния идей, которые будут определять развитие общества в будущем.

— Ослабление государственной власти, рост экстремизма и политического насилия в обществе.

Кризисность спонтанного развития индустриализма, который в эту эпоху еще сосуществовал (как правило, отнюдь не мирно) с целыми пластами традиционного общества, требует новой трансформации — на этот раз индустриального общества. Трансформация должна ограничить «своеволие» элиты, укрепить моральные ограничители потребностей членов общества, провести регулирование спонтанных процессов, дать возможность обществу выйти на постиндустриальный уровень развития.

Наступает индустриально-этакратическая эпоха. Перечислим ее черты:

— Компромисс социальных слоев, опирающийся на организованное насилие государства и подавление социально-политических сил, отказывающихся от участия в компромиссе. Ослабление самостоятельной политической активности населения, его мобилизация режимом через систему массовых организаций.

— Расцвет манипулирования массовым сознанием через систему средств массовой информации. Всеобщий охват населения системой коммуникаций.

— Ослабление связи режима с традициями общества, что, как правило, делает социально-политическую конструкцию неустойчивой.

— Государственное регулирование экономики как путь преодоления экономической нестабильности.

Несмотря на значительные издержки, которыми чревата индустриально-этакратическая эпоха, она обеспечивает небывалые возможности для обмена информацией между людьми. Информационный взрыв в эту эпоху дает возможность людям глубже осознать кризис индустриальной парадигмы развития и нащупать пути ее преодоления. Черты нового, постиндустриального общества — особая тема. Пока важно отметить, что преодоление индустриального общества связано с развитием свободного и оперативного информационного обмена, возможности которого обеспечила

нынешняя эпоха, а также с исчезновением таких фундаментальных свойств индустриализма, как всеобщая специализация и управляемость. Рост диверсификации в мировой экономике, автономизация работника от управленца в связи с общим ростом интеллектуальной культуры и взрывообразным развитием информационных технологий (в частности — компьютеризации), усиление производственного и территориального самоуправления — лишь первые признаки грядущей социальной трансформации.

Это краткое описание смены эпох позволяет нам сравнить черты формаций, которые перечислялись нами выше, с чертами периодов. Легко заметить, что периоды — своего рода «эпохи» в миниатюре. Таким образом, структура исторического развития оказывается удивительно гармоничной, и мы можем сформулировать основной вывод теории исторических периодов: все страны проходят в определенном порядке структурные состояния с определенным набором черт (эпохи), а в каждой из эпох — периоды, повторяющие в том же порядке наиболее существенные черты эпох с более низкой интенсивностью. Более того, эта закономерность отчасти или полностью повторяется и на уровне стадий, существующих в периодах и в самих стадиях. Таким образом, существует общая закономерность смены стадий развития общества разного порядка. По своей структуре исторический процесс близок фракталу.

Каждый момент в развитии любого общества может быть охарактеризован перечислением эпохи, периода и стадий развития разного уровня. Это перечисление характеризует структуру общества, которая не определяется его этнокультурными особенностями (впрочем, как мы видели выше, они тоже связаны со стадиями развития) и субъективными обстоятельствами (роль которых также велика, как роль шахматиста в шахматах — игре с четкими правилами). В качестве примера охарактеризуем положение, в котором находится Россия в середине 1995 г. Если принять «формирование» за первую стадию и обозначить ее нулем (первая цифра в десятичной системе), то Россия находится в шестой (цифра 5) эпохе, шестом (цифра 5) периоде, третьей (цифра 2) стадии первого порядка, четвертой (цифра 3) стадии второго порядка. Если располагать эти номера один за другим, то стадияльная характеристика страны уложится в краткую цифру 5523. На этой стадии США, например,

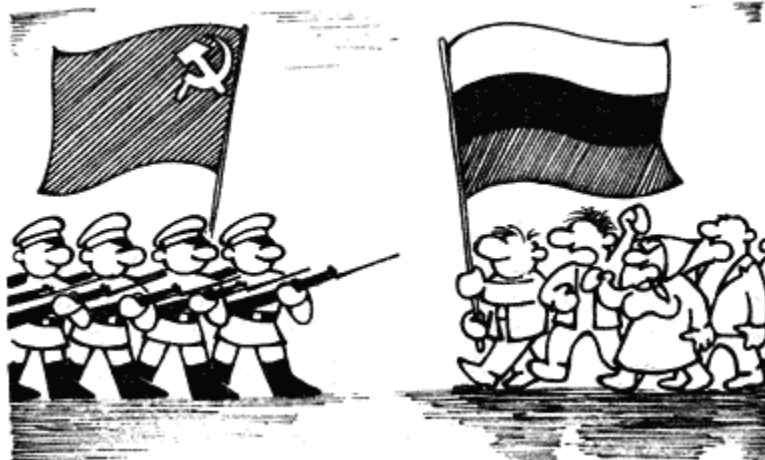
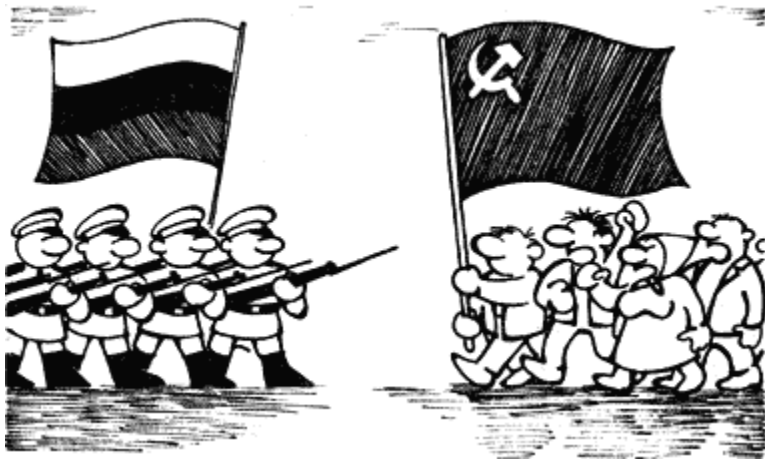
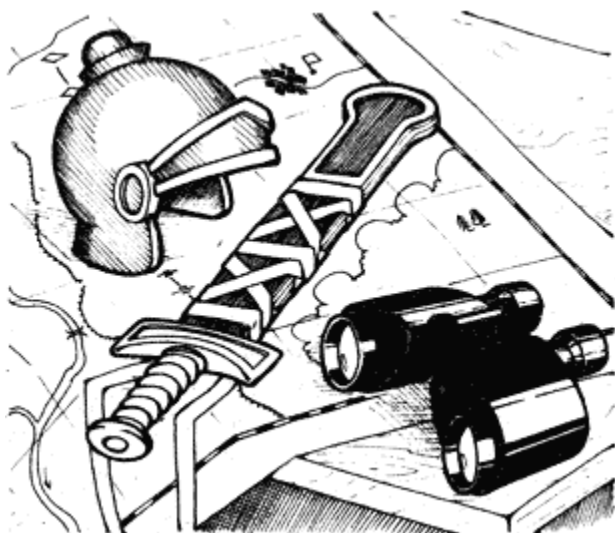
находились в 1973 г. Сейчас США находятся на стадии 5763. Как видим, отставание заметно, но не является качественным. Расстояние в четверть века может и сократиться.

Надо сказать, что в своем развитии Россию безусловно обгоняет меньшинство стран мира (Европа кроме Албании, Румынии, Болгарии, стран бывшей Югославии; Северная Америка и несколько стран Южной, Австралия, Новая Зеландия, Япония и часть «дальневосточных тигров»; возможно, Турция).^[22]

Стадиальные характеристики обществ позволяют не только лучше понять положение, в котором находится та или иная страна, но и делать относительно точные прогнозы. Так, в 1991 г. автору этих строк удалось описать социально-политический механизм вооруженного столкновения в центре Москвы, возможного в 1992–1993 гг.^[23] Как известно, это столкновение состоялось (хотя возможность избежать его была). Однако богатые возможности, которые открывает теория исторических периодов, были обнаружены эмпирически. И открытым остается немаловажный вопрос — а почему же происходит эта гармоничная смена этапов развития?

Иллюстрации

ВАША ЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ

Однообразие общественного развития, описанное выше, пугает. Нечто словно подгоняет исторические события под шаблон. При этом возможны самые разнообразные «драматургические решения» общего сценария и игра субъективных страстей, но только в рамках общих правил — определенной смены эпох, периодов, стадий.

Первое объяснение, которое напрашивается: смена эпох связана с человеческой натурой. В обществе постепенно накапливаются и взаимодействуют люди, находящиеся на различных стадиях развития. Известна идея о соответствии возрастного развития алгоритму общественных формаций^[24]. Мне довелось проверить эту гипотезу (разумеется, с использованием не марксистских формаций, а описанных выше эпох) тестированием и анализом биографий нескольких десятков знаменитых и неизвестных людей (что несколько меньше числа проверенных стран). Действительно, люди проходят стадии развития, подобные описанным выше.

Соответствие механизма развития личности и социума не удивительно: общество «подтягивает» человека до своего уровня (это уровень элиты) или до уровня основной массы населения (как правило, она отстает от элиты на одну-две эпохи), заставляя в ускоренном варианте проходить фазы самоосознания, выделения индивидуума из среды (эквивалент нулевой эпохи, выделения общества из среды и элиты из общества), укрепления самостоятельной воли, частенько переходящей в характерную для детства неуправляемую агрессию или элементы садо-мазохистского комплекса (эквивалент первой эпохи древности), романтическую фазу распыленности интересов и частой смены увлечений (эквивалент «феодализма»), фазу человека иерархического, который видит смысл своей жизни в карьере, материальном благополучии, семейном порядке (эквивалент эпохи равновесия). Но будничные планы все чаще не осуществляются (потребности в наше время растут быстрее), и люди накапливают способность к действию — пока потенциальную «энергию», выражающуюся в «разнице потенциалов» между реальностью, в которой находится человек, и его представлением о

должном, его идеальными построениями. Математик А. Афанасьевский предлагает рассматривать эту разницу как вектор, сокращение которого является универсальным мотивом человека (поскольку процесс осуществления собственных планов доставляет положительные эмоции, а их неудача — отрицательные). Эта «энергия» рано или поздно переходит в действие — в попытку воплотить в жизнь мечты и идеалы — человек вступает в революционную эпоху, время ломки его представлений о жизни, время высоких стремлений и социально-психологического действия (эквивалент «конфронтации»). В эту «эпоху» вектора между реальностью и мечтами человека сокращаются — в случае успеха он приближается к идеальным построениям, в случае неудачи жизнь доказывает наивность мечты, и ее «потолок падает на голову» человеку — разница уровней тоже снижается. Если преобладает первый вариант, у человека начинается «головокружение от успехов», что, в свою очередь, может привести ко второму варианту. В обратной ситуации человеком овладевает депрессия, чреватая помешательством и самоубийством (они нередки на этом этапе). Но, к счастью, в жизни обычно перемешаны оба варианта снижения «пассионарности» (употребляя термин Л. Гумилева, удачно обозначающий способность к действию), и личность переходит в следующую фазу — человека рационального, соответствующего элите нынешней эпохи (эпоха «нормализации» в индивидуальной истории человека). Развитие продолжается. Теперь не общество толкает человека вперед, а личность, обогнавшая общество, тянет его за собой.

Приведем только один известный пример — Петр I. Периодизация его жизни на уровне эпох такова:

0 — 1672–1676 гг. — первичное формирование личности принца;

1 — 1676–1689 гг. — жизнь принца и царя в условиях враждебной среды, реальной и мнимой угрозы жизни, жестокого самоутверждения в военных играх и домашнем деспотизме;

2 — 1689–1695 гг. — резкое расширение интересов благодаря успеху его партии в борьбе за власть и сближению с обитателями «Лефортовской слободы», «детское» увлечение Западом и его «игрушками», первые самостоятельные (а не санкционированные старшими) романы.

3 — с 1696 г. — стремление «сделать карьеру» среди цивилизованных монархов, «модернизировав» страну и превратив ее в великую державу — «не хуже», чем у «учителей».

В 1704 г., одерживая первые серьезные победы над «учителями» и отвлекаясь от «цели» в романтических приключениях, которые в итоге закончились вторым браком, Петр перешел от периода *31* к периоду *32* и таким образом обогнал свою страну. Он умер, находясь на уровне России конца XIX в. Все это время Россия развивалась под знаком его личности. Но стоило российской элите обогнать Петра, и она охладела к бывшему кумиру.

Путем определенного тестирования можно определить стадию развития, на которой находится человек, сравнить динамику его развития с различными культурами и выделить те, которые ближе всего к его социально-психологической структуре. Это позволяет иногда довольно точно прогнозировать развитие тестируемого и давать психологические рекомендации.

В этой работе мы не ставим перед собой задачу подробного описания индивидуального периодического развития. Для нас важно, что динамика развития не только общества, но и личности, подчиняется одному периодическому закону. Это значит, что сама фрактальная динамика истории может быть объяснена общими для всех людей социально-психологическими закономерностями. Пружина обнаруженной нами закономерности скрыта в человеческой природе как таковой.

ПРУЖИНА ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

В любом случае, если мы имеем дело с периодическим процессом, наблюдающимся на протяжении всей истории цивилизации, значит и в основе этого процесса лежат факторы, действующие на протяжении всей истории. Нам остается только сформулировать условия задачи:

Дано: универсальные (сохраняющиеся на протяжении всей истории цивилизации) черты социума.

Требуется доказать: Явление периодической смены социальных структур с определенным набором черт.

Легко заметить, что ряд черт периодов «второстепенен», произведен от более важных, глубинных характеристик, определяющих направление социальных сдвигов. К этим «второстепенным» чертам относятся внешнеполитические действия, стиль поведения политического руководства, с которого мы начали это повествование. Эти черты могут успешно служить маяками, «лакмусовой бумажкой» того или иного периода, помогать в его датировке, они лежат на поверхности, помогают нам «сориентироваться на местности», но не определяют причины явления. Как геологи ищут полезные ископаемые по «сопутствующим» минералам, так и мы нащупали глобальные закономерности с помощью аналогий. Теперь о них можно «забыть» и обратиться к фундаментальным свойствам социума. Не случайно при характеристике эпох нам пришлось «провести чистку» и корректировку набора черт.

Таким же образом можно еще сильнее «упростить выражение», которое «требуется доказать». Модель смены девяти состояний может быть сведена к модели смены трех состояний при условии повторения этой смены в каждом из них. Возможность для такого упрощения прослеживалась уже при кратком описании модели смены эпох. Традиционное и Индустриальное общества проходят в своем развитии

эпохи становления, пика (кризиса) и трансформации. Экстраполируя эту модель на постиндустриальное общество мы можем предположить, что оно тоже пройдет через указанные эпохи, соответствующие части черт периодов «интеграции», «синтеза» и «импульса» (о последнем мы можем пока предположить лишь то, что это будет импульс некоего послесовицизационного состояния).^[25]

Сравнивая соответственно все эпохи становления, пика и трансформации и «очищая» их от черт, которые определяются характером формации (традиционной, индустриальной, информационной), мы можем выделить следующие характеристики каждой группы эпох:

Становление

— Формирование новых социальных слоев, норм, определяющих принципы социального устройства формации и поддержание авторитетом общества соблюдения уже сформированных норм.

— Консолидация социума, усиление негосударственных, «горизонтальных» общественных связей в нем.

— Стабилизирующее воздействие общественных институтов на социально-экономическое развитие.

— Конформизм в обществе и культуре, отторжение альтернативных социально-культурных форм.

— Относительное равновесие в развитии доминирующих слоев элиты, подвижность связей в ней.

Обобщая эти черты, можно сказать, что «становление» характеризуется формированием новых структур, относительной консолидацией, эластичностью общественных связей.

Пик

— Нарушение баланса в отношениях элиты и остального общества, ломка социальных структур.

— Усиление социального расслоения и конфронтации между общественными слоями. Разрушительность выступлений против существующего порядка. Рост социальной мобильности и «карьерных возможностей».

— Дезинтеграция общественных слоев и укладов.

— Увеличение роли хозяйственных форм, основанных на разделении труда.

— Концентрация ресурсов в руках элиты, позволяющая обеспечить ускорение развития технической и интеллектуальной культуры.

Обобщая эти характеристики и вспомнив то, что уже говорилось о «пиках» при описании смены эпох, можно сказать, что «пик» — это кризис формации и в то же время максимальное проявление ее качеств, их спонтанное развитие. Оно характеризуется социальной дезинтеграцией и ломкой, ростом социальной мобильности и конфронтационности. В то же время «пик» это эпоха концентрации ресурсов в руках элиты, которая обеспечивает ускорение технического и интеллектуального развития.

Трансформация

— Рост роли духовной культуры в регулировании жизни общества.

— Жесткость границ, разделяющих социальные слои и ограничивающие/обеспечивающие их сферы свободы.

— Динамика экономического развития и социальных движений обусловлена процессами, протекающими в элите.

— Борьба за сферы влияния в элите, неустойчивость политической структуры.

Обобщая эти черты, можно сказать, что «трансформация», «призванная» преодолеть кризис формации и вывести развитие на

новый уровень, характеризуется ростом роли духовной культуры и элиты, неустойчивостью политической структуры.

Сравнивая черты групп эпох с формациями, мы можем обнаружить и здесь важное соответствие: традиционное общество может быть описано перечнем черт эпох «становления» (но не «пика» или «трансформации»). Традиционное общество можно воспринимать как становление человеческой цивилизации. В этом случае черты «пика» соответствуют портрету индустриального общества, нарисованному выше. Таким образом, вся цивилизация развивается по алгоритму «становление» — «пик», и есть основания предполагать, что постиндустриальное общество (далее мы будем называть его «информационным обществом») может носить черты «трансформации». ^[26] Если сделать это гипотетическое предположение, то эффект смены девяти состояний, каждое из которых также проходит в своем развитии те же девять состояний в ослабленном варианте (и т. д.), может быть представлен как процесс смены трех основных состояний, с подобным же повторением этой смены в каждом из них.

Таким образом в строке «требуется доказать» после нашего упрощения оказывается:

1. Смена традиционного общества (модель «становления») индустриальным (модель «пик»), индустриального — гипотетическим информационным (модель «трансформация»).

2. Повторение смены этих состояний в ослабленной форме в каждом из них.

Если механизм этих двух явлений станет понятен, то это объяснит и всю цепочку повторений, которая является вариантом подобия первого уровня — триады формаций и девяти эпох. Дополнительные черты, которые делают картину смены состояний более конкретной, связаны с тем, что каждое более общее состояние накладывает черты на свои составляющие, что создает неповторимую палитру социальных структур. Но общая закономерность их смены сводится к указанным выше двум положениям.

Теперь обратимся к графе «Дано». Как и всякое вещество биосферы, человек несет в себе как минимум два начала — косное и живое. ^[27] Косная материя пассивна. Она сама по себе не ищет энергии

для самовоспроизводства, не перестраивается для поддержания качества и потому часть косных тел обладает огромной прочностью в сравнении с живыми телами. Живая материя, напротив, активна. В борьбе за существование она осуществляет действия, направленные на поиск вещества и энергии, необходимых для воспроизводства собственной структуры. Живая материя относительно эластична (в сравнении с большинством косных тел), однако в случае, если воздействие на живое тело превышает некоторый порог, живое тело необратимо разрушается. Это делает необходимым «симбиоз» живого и косного начал для выживания первого.

Строго говоря, деление на живое и косное относительно. Всякое тело, поскольку оно подчиняется физическим законам, является косным. Но живые тела добавляют к физической логике поведения свою собственную. В то же время относительно косные тела, содержащиеся в живом, также отчасти являются живыми, так как организм заботится о воспроизводстве их структуры. Таким образом, когда мы говорим о живом и косном, мы имеем в виду в большей степени живое и в большей степени косное. То же касается и человека, который представляет собой косно-живое тело. Но не только.

В человеке два основных начала биосферы дополняются третьим — духовным (информационным, сознательным), развитой способностью к абстрактному мышлению. Абстрактное мышление предполагает создание на основе живой материи (мозга, например) моделей окружающей действительности, формирование на их основе более сложных, комплексных моделей и обмен ими, регулирующий поведение. Собственно, эта способность высокого уровня (позволяющего передавать информацию на материальных носителях) и отличает человека от любых других видов живых существ. Модели позволяют изменять движение вещества и энергии в своих интересах. В результате человек не просто, подобно животному, ищет необходимые ему вещество и энергию, но и создает структуры их постоянного «улавливания» (термин П. Сорокина). Неполнота модели, конечно, предопределяет сбои в работе таких структур, катастрофичность — тем большую, чем большие энергии улавливаются. Но все же человечество не отказывается от полученных с помощью информации преимуществ, а предпочитает уточнять модели. Так возникает информационная среда, которая дает

возможность говорить о цивилизации и обществе. При этом как само общество, так и каждый человек — косно-животно-духовная среда. Это касается не только их физической структуры, но и внутренней структуры сознания, которое, естественно, испытывает мощное воздействие трех начал человека.^[28]

Таким образом, в «Дано» мы можем записать три начала: косное (пассивность, сопротивление воздействию извне), живое (поиск, переработка и поглощение энергии с целью самовоспроизводства и размножения) и духовное (накопление, обработка и передача сигналов абстрактной информации, создание их сложных систем, регулирующих поведение человека и его действия по изменению формы и направления движения вещества и энергии).

Наличие духовной составляющей имеет множество важных последствий: самовозрастание потребностей за счет создания моделей еще не существующих, но принципиально возможных состояний («мечты» — вспомним «вектор Афанасьевского»), облегченная коммуникация в большом (больше, чем стая) социуме, придерживающемся одной системы коммуникаций (языка), способность к координации (согласованию алгоритмов деятельности) и др. Эти способности позволяют сделать энергообмен с внешней средой (необходимый для поддержания животной составляющей) более эффективным, начать отгораживаться от воздействий окружающей среды с помощью изменения формы косной среды (создания орудий труда, сооружений и т. д.). Те же последствия абстрактного мышления приводят к осознанию целостности социума и стремлению к коллективному самосохранению. Член социума становится при прочих равных условиях ценен как таковой. Возникает «фактор гуманности» — люди начинают заботиться о сохранении друг друга, если это не противоречит сохранению самого социума. (Характерно, что по этому же пути двигались и другие виды, но в силу разных причин перейти к передаче абстрактной информации на материальных носителях не смогли).

Необходимость широкого использования абстрактной информации и возможность накапливать ее приводят к дополнению иерархии силы иерархией знания. Человек становится ценен как носитель информации, способный облегчить координацию в социуме.

Это приводит к сохранению более опытных, но немощных членов социума, защите носителей знания от физического насилия.

«Фактор гуманности» и самовозрастание потребностей приводят к тенденции постоянного роста совокупного потребления, сдерживание которого природными возможностями вызывает психологическое сопротивление членов социума («обманутые ожидания») и стремление одних его членов получить «запланированную» долю потребления за счет других. Если в животном мире слабые (не усиленные абстрактным мышлением) проявления таких же факторов вызывают агрессию сильных против слабых, то в человеческом обществе наилучшие возможности в этом отношении имеются у носителей информации, организаторов. Недостаток физической силы они могут восполнять, организуя группы, обеспеченные более совершенными косными инструментами физического воздействия (оружием).

Эта несколько упрощенная для краткости модель показывает, что развитие абстрактного мышления в косно-живой среде приводит к накоплению живой массы человека. Одновременно опережающий рост потребностей, возможность накопления информации в части социума и неравномерного распределения энергии в нем создают предпосылки для выделения элиты, ее защиты и консолидации социума вокруг нее.

Формирование элиты, с одной стороны, создает новые возможности для концентрации знания и энергии, с другой — приводит к отчуждению человека от собственной сущности, превращая его из самовоспроизводящегося мыслящего существа в пассивное, исполняющее чужую волю (усиление косного начала). Таким образом, возникновение элиты приводит к дисперсии «триединого» человека, усиливая в части людей косное, а в части — духовное начала. Поскольку эта первоначальная дисперсия не может не опираться на насилие, которое обеспечивает неравномерность распределения энергии, это приводит к выделению слоя, в котором усиливается и животное начало (убийство-потребление как основная деятельность участников машины насилия). Таким образом, элита развивается по тем же законам, что и весь социум, увеличивая свою биологическую массу независимо от возможностей остального общества, опираясь на «окостенение» линии своего взаимодействия с остальным обществом (так же, как социум в целом опирается на

«окаменение» линии своего взаимодействия с природой). Но возможности общества в отношении природы растут медленно, оно оказывается «сжатым» между элитой и природой. Дальнейший рост потребления элиты становится возможным лишь за счет разрушения социума. Возникает кризис, преодоление которого возможно или путем уничтожения социума, или с помощью изменения алгоритма развития — ограничения возможностей элиты.

Возможности изменения алгоритма развития общества возникают благодаря другой стороне последствий образования элиты — накоплению знаний и возможности предвидения дальнейшего развития социума (создание моделей этого развития). В результате может быть создана модель иного алгоритма развития, основанного, с одной стороны, на сдерживании потребления элиты с помощью духовной составляющей и, с другой, на поиске дополнительных возможностей преодоления ограниченности потребления социума в целом.

Так цивилизация развивается изначально, в рамках традиционного общества. Решение проблемы выживания при возможности развития абстрактного мышления неизбежно приводит к возникновению элиты и к превращению ее в «социум в социуме». Кризис этого алгоритма развития связан с тем, что элита может наступать на общество быстрее, чем социум в целом — на природную среду. Дисперсия человеческого начала в эпоху этого кризиса обеспечивает возможности «отступления» элиты при сохранении духовных достижений, открывающих новые возможности.

Иное развитие было бы возможно, если бы общество сразу совершило скачок в энергопотреблении. Тогда развитие цивилизации шло бы линейно, в одном направлении. Но для решения проблемы этого скачка необходим синтез информационных возможностей, достигнутых за счет дисперсии в эпоху кризиса, с менее кризисным обществом. В эпоху становления еще нет возможностей, в эпоху кризиса система еще не готова. Только эпоха трансформации создает предпосылки перехода к «решительному наступлению» на природную среду.

Таким образом, проследив взаимодействие первичных и постоянно действующих факторов развития человеческого общества, мы можем сделать вывод о том, что это развитие не линейно и в своей

первоначальной фазе проходит описанные в графе «требуется доказать» эпохи «становления», «кризиса» и «трансформации» традиционного общества. Невозможность линейного развития обусловлено отставанием возможностей роста потребления элиты от возможностей роста потребления общества. При этом динамика социума и не циклична, так как сам кризис в развитии общества создает предпосылки решения проблемы, которая привела к кризису.

Опираясь на модель традиционного общества, мы можем сделать следующий шаг — применить ее к развитию человеческой цивилизации в целом. В этом случае мы можем «подставить» социум в целом на место элиты, а роль остального общества будет играть природная среда. Алгоритм развития, механизм которого не меняется, в этом случае таков: образование и консолидация социума, источником жизнедеятельности которого является среда, при медленном росте энергопотребления (становление — традиционное общество); дисперсия (рост косного и духовного начал при доминировании косного) и резкий рост энергопотребления до максимума возможностей, который определяется экологическим кризисом (кризис, «пик», индустриальное общество); преодоление дисперсии путем усиления духовного начала и слияния под его воздействием элементов, образовавшихся в ходе дисперсии (трансформация, информационное общество).

Таким образом, получается, что нелинейные алгоритмы развития цивилизации в целом и каждой из трех формаций подобны, так как и все общество, и каждый из его социальных слоев является системой, в которой взаимодействуют три начала — животное (живое), косное и духовное (информационное).

Развитие каждой из этих систем в силу описанного механизма не может быть линейным (от «становления» сразу в «трансформацию») в силу инерционности социальных слоев. Исключение теоретически может составлять только кризис «становления», так как здесь отчуждается от остального общества правящая элита, то есть относительно немногочисленная масса людей, от которой зависит принятие решений, позволяющих сменить вектор развития. В случае, если доминирующая группа общества сумеет осознать опасности, связанные с кризисом раньше, чем он начнется, то социум может миновать состояние «реакции». Понятно, что на уровне эпох это почти

невозможно, так как переход к «трансформации» зависит от всей массы элиты, весьма примитивной по уровню развития, но на уровне периодов, динамика которых определяется более дробными (и потому более компактными и менее инерционными) группами, вероятность «обхода» «реакции» возрастает. Миновать кризисы «пика» и «трансформации» практически невозможно и на уровне периода, так как здесь отчуждаются неправящие слои элиты, а иногда и целые сектора общества. Только свершившийся факт кризиса вызывает ответную реакцию всех слоев, от которых зависит изменение общего курса эволюции социума. Как мы видели, на уровне стадий, смену которых определяют еще менее массивные группы, возможен обход различных «пиков». Возможность «обхода» стадийальных пиков зависит от поведения лидеров (их способности к компромиссу) и уровня перепроизводства элиты, связанного с состоянием фильтров социальной мобильности^[29]. Значительное превышение «предложения» над количеством «вакансий» в среде элиты чревато ростом числа «лишних людей», которое естественно связано с ростом экстремизма, способствующего пикам. Однако эволюционная смена стадий по линии *0*-*2*-*6*-*7*-*8* (теоретически возможное выпадение стадии *7* практически мне не приходилось встречать) не может считаться оптимальным, так как стадии пиков часто формируют идеи и культурные стереотипы, характерные для следующих периодов и даже эпох и потому облегчающие вхождение в них. Обществу нужна и эволюция, и революции. Важно, чтобы последние происходили не очень часто и не затягивались. Но это уже зависит от современников событий и внешнеполитических обстоятельств.

МАКРОПОЛИТИКА

Как мы уже упоминали выше, подобие механизма развития общества в целом и его элиты означает распространение этого подобия и на все слои общества, в которых в силу их «троесущности» также повторяются эти же процессы. Но в элите и в остальной части общества скорость протекания социальных процессов различна. Элита, концентрирующая в себе информационный потенциал общества, более динамична. Если время прохождения цикла дисперсии-соединения элитой — период, то остальное общество проходит тот же круг за фазу (например, становления). Более того, поскольку структурные подразделения элиты (в силу ее информационной насыщенности и важности порядка доступа к ресурсам в ней) четче артикулированы и очерчены, чем подразделения населения, последнее имеет более аморфную структуру, в меньшей степени подверженную дисперсии. Развитие населения более эволюционно, и потому в его массе лучше сохраняются базовые культурные традиции народа, определяющие его культурный тип. В то же время элита, постоянно находящаяся в интенсивном общении с элитами других стран и, как правило, внутренне разобщенная, подвержена гораздо более сильным воздействиям других культур. Как отметил А. Афанасьевский, культурные стереотипы элиты часто не совпадают с теми социально-психологическими структурами, которые лежат в основе явления резонанса, упомянутого выше. Эти структуры базируются прежде всего на народной культуре или на тех элементах элитарной культуры, которые глубоко проникли в народную толщу. Элита в большей степени характеризует стадияльное состояние общества, а население — его культурный тип. Элита всегда немного инородна в стране, население — всегда отстает от элиты по уровню развития сознания. Это позволяет объяснить явление резонанса, который возникает в результате соответствия поведения элиты культурным стереотипам населения. Этот эффект возникает тогда, когда стадияльное состояние, определяющее поведение элиты, соответствует структуре культурного типа, определяющее реакцию населения. В этом случае поведение верхов и порядок вещей

воспринимается как «справедливый», «правильный». В случае, если элита действует наиболее «чужеродно», это вызывает сопротивление населения, даже если его материальное положение ухудшается незначительно. Наибольшая вероятность «бунта» возникает в периоды или на стадиях конфронтации и импульса, так как тогда происходит быстрый перебор линий поведения элиты, одна из которых как правило «выводит из себя» население, которое в силу своей инерционности некоторое время не может успокоиться.

Каким образом можно определить базовые культурные стереотипы, чтобы была понятна их связь со стадийным развитием? Очевидно, что в каждой социальной системе наиболее комфортно чувствуют себя люди, имеющие определенную социально-психологическую ориентацию. В коллективе себя лучше всего чувствуют коллективисты, в период распада общественных связей — индивидуалисты. Свои любимые времена есть у карьеристов и вольнодумцев, подвижников и прагматиков. Каждый из них (независимо от его политических взглядов) действует наиболее эффективно в соответствующей среде и получает от этого наибольшее количество положительных эмоций.

Мы полагаем, что базовыми инстинктами человека (как живого существа) является стремление к самосохранению и продолжению рода.^[30] Можно предположить, что их трансформация под действием духа (сознания) может привести к определенному набору социально-психологических стереотипов. Стремление к самосохранению в духовной сфере преобразуется в стремление к самореализации, то есть к беспрепятственному расширению сферы своей деятельности и получения ресурсов. Но количество ресурсов и сфера самореализации ограничены и зависят от соотношения в индивидууме животного, косного и духовного начал, а также от внешних условий. Чем меньше ресурсов, чем острее конкуренция, тем чаще расширение сферы самореализации связано с подавлением других участников социума. В итоге стремление к самореализации приводит к формированию двух начал: свободы (беспрепятственная самореализация) и господства (самореализация за счет других и, как правило, — за счет своей свободы, так как подавление других подразумевает участие в «сильной» корпорации, в пользу которой требуется отчуждать часть своей свободы). Тот же эффект происходит и с инстинктом

продолжения рода, который трансформируется в стремление к любви. Человек стремится к тому, чтобы общение с людьми вызывало у него положительные эмоции, но из-за нехватки ресурсов и это начало распадается на непосредственную форму — солидарность, и отчужденную форму — иерархию. Четыре «чистых» стереотипа (свобода, господство, солидарность, иерархия) могут образовывать еще четыре промежуточных (свобода+иерархия, свобода+солидарность, солидарность+господство, господство+иерархия). Каждый из этих восьми типов в своей развитой, артикулированной форме соответствует определенной идеологии: солидарность+господство (корпоративизм, государственный индустриализм), господство (деспотизм, авторитаризм), господство+иерархия (патернализм, ограниченная традицией монархия), иерархия (консерватизм), свобода+иерархия (индивидуализм, либерализм), солидарность (демократический социализм), свобода+солидарность (анархизм, безгосударственный коммунизм, «социализм-утопизм»), свобода (поскольку речь идет о неограниченной свободе, лишенной в то же время элементов господства, то пока можно говорить только о подвижниках, реализующихся в духовной сфере, о последовательных «хиппи» или об идеале «странников» у братьев Стругацких). Возможен еще один тип, в котором все эти направления приглушены. Возможно и полное отрицание социальной стратегии индивидуумом или группой людей. Своеобразный ноль всей этой системы координат. Его можно сравнить с «философским» взглядом на жизнь, восточной аполитичностью.

Все мы в той или иной степени имеем свои социальные стереотипы, даже если далеки от политики. Мы ведем себя консервативно или либерально, по-анархистски (в том смысле слова, которое в него вкладывают сами анархисты) или деспотично. А иногда в нас борются консервативная и социалистическая партии, которые сами раскалываются на фракции. Не удивительно, что нам нравятся одни времена и раздражают другие. То же происходит и на уровне социальных групп. В конечном итоге целые культурно-социальные общности — этносы, получившие свою базовую культурную структуру во время своего возникновения — в зависимости от географической и культурной среды, начинают вести себя как люди — участники политической игры. Так возникает неповторимая палитра

макрополитики (применяя удачный термин Д. Драгунского) — взаимоотношение социально-культурных общностей с различными стереотипами поведения. [\[31\]](#)

Смена мировых и региональных лидеров в ходе резонансов, ускорение и замедление развития тех или иных стран, соотношение уровней их развития создает неповторимую макрополитическую игру. Однако и в ней есть своя логика. «В мировом масштабе» эпоха начинается с революций в одной или нескольких странах, которые впервые реализуют принципы, соответствующие новой эпохе. (Собственно, под социально-политической революцией мы понимаем нелегитимную (то есть отрицающую прежний порядок принятия решений) борьбу широких социальных слоев по поводу принципов общественного устройства. В каждой эпохе эти принципы свои (религиозные, экономические, политические). Важно, чтобы сами массы считали принципиальными, определяющими общественное устройство именно эти принципы. Вырвавшиеся вперед страны-лидеры создают вокруг себя кольцо враждебности прежних гегемонов. По мере разрастания мировой революционной волны, несущей новые правила социальной организации, консервативный лагерь также реформируется. Образуются коалиции, во главе которых стоят страны, принявшие разные варианты новой социальной структуры. Затем выделяются группы стран, пошедшие дальше первых очагов «мировой революции» в своем следовании новым принципам общественного устройства (как правило, их основатели воспринимаются двумя первыми группами как еретики, исказившие первоначально верное учение). Позднее выделяются мировые организации, поддерживающие принципиально новые общественные отношения, которым в измененной форме предстоит определять развитие мира уже в следующую эпоху. Противостояние этих четырех групп макрополитических субъектов диктует логику мирового развития. (Как мы увидим ниже, выделение именно четырех групп вовсе не случайно.)

В каждую эпоху эти группы свои и соответствуют принципам резонансов. В Древности первую группу составляли ирригационные цивилизации, вторую — окружающие их народы, создавшие собственные деспотии, третью — античные цивилизации, четвертую — христианство. В эпоху патернализма очагом стала Восточная

Римская империя (Византия), второй группой — Запад, третьей — мир Ислама, четвертой — движения за рационализацию христианства (гуситство, гуманизм и другие истоки реформации). Все это время Дальний Восток и Америка развивались почти независимо от лидирующего очага цивилизации, а православная цивилизация в России защищает Европу от разрушительного воздействия Великой степи.

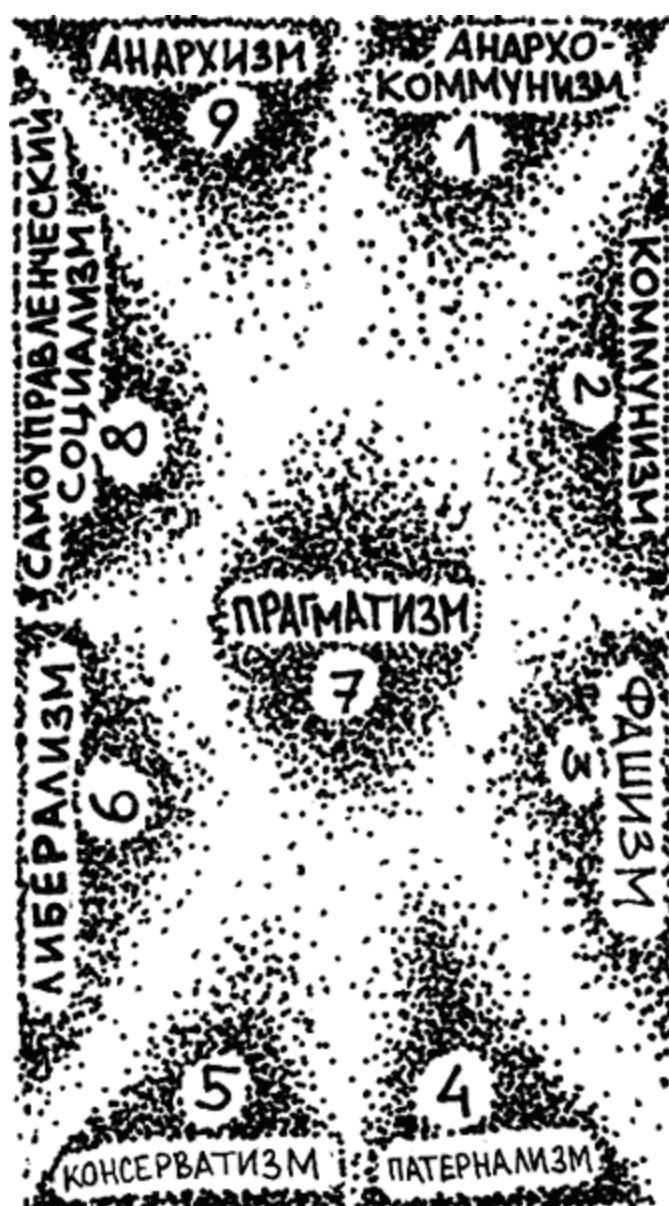
В эпоху равновесия очагом становятся протестантские государства, второй группой — католические, третьей — страны, превратившиеся в арену кальвинистской (пуританской) революции, а четвертой группой — движение просвещения. Эта «мировая революция» в связи с развитием мореплавания действительно охватила весь мир. Европа, пользуясь своим стадильным преимуществом, превратилась в элиту мира и принялась эксплуатировать всех, кто не успел от нее «закрыться» (обрекая себя тем самым на еще большее отставание). Некоторые страны попытались играть роль «среднего класса», подчинившись правилам игры, диктуемым лидерами (в частности, Россия).

В эпоху конфронтации вперед вырывается Франция. Второй группой становятся все абсолютистские государства. Третьей — выдвинувшиеся на мировую арену в 60-70-е гг. Германия, Италия, США и Россия, вскоре потребовавшие передела мира в свою пользу. Четвертую группу составило мировое социалистическое движение. В XX веке очаг «мировой революции» смещается в Россию, ей сопротивляется Запад. Третью группу составляют появляющиеся одна за другой «ереси» государственного «социализма» — фашизм, нацизм, маоизм. Четвертую группу, которая зримо заявила о себе в 60-е гг., представляет антиавторитарное альтернативное движение от «новых левых» и «хиппи» до россыпи альтернативных поселений и обилия гражданских инициатив конца XX века, отрицающих сами принципы существующей цивилизации.

Иллюстрации

КЛАССЫ И СЛОИ

Механизм взаимодействия культурных типов и социальных состояний будет более понятен, если построить модель социальной эволюции элиты и социума, опираясь на модель смены фаз. Здесь, как и в случае с культурными типами, возможны четыре «чистых» состояния, связанных с тем, что и эксплуатирующая (перераспределяющая в свою пользу часть ресурсов) элита, и население («трудящиеся») могут существовать в двух «чистых» формах — отчужденной от регулирования потока ресурсов и соединенной с ним. В результате возможно существование четырех «основных» классов: этакратия (отчужденная элита, так как каждый участник корпорации в идеале отчужден от распоряжения ресурсами и действует от имени всей этакратии), «частники» (соединенная элита, так как каждый «частник» соединен с каким-то участком производства необходимых человеку ресурсов), крестьяне (соединенные труженики), пролетарии (отчужденные труженики). Возможны также переходные состояния — «классы», которые сочетают в себе черты и тружеников, и элиты. Эти средние слои также могут быть как отчужденными (атомизированными), так и соединенными (ассоциированными). Пример первых — квалифицированные ремесленники, имеющие свое собственное дело, маргиналы, часть служащих и торговцев. Пример второго — участники гражданского слоя, фермеры, работники самоуправляющихся производств, члены ремесленных корпораций и т. д.).

Социальные структуры, состоящие из «чистых» классов, возможны лишь как тенденции, направление движения реального общества, поскольку в нем существуют в разных соотношениях практически все «классы». Но доминируют те, которые соответствуют эпохе. В эпоху «0» классы еще только формируются, что дает преимущества «восточному» приглушенному типу. В эпоху «1» выделилась и доминирует этакратия (культура «господства»). В эпоху «2» происходит постепенный переход от доминирования этакратии к преобладанию «частников»-феодалов (население по-прежнему состоит преимущественно из крестьян), что соответствует переходу от

деспотического господства к ограничивающей его иерархии. В эпоху «3» устанавливается господство «частников» (феодалов, опирающихся на эксплуатацию самостоятельных производителей-крестьян и появившихся в связи с переходом к индустриализму капиталистов, организующих производство и осуществляющих отчуждение тружеников). Эта система удерживается в равновесии иерархическими стереотипами («консерватизм»), которые гасят конкуренцию, способную разрушить единство «частников». Но в связи с тем, что растущему классу капиталистов не хватает ресурсов, он нуждается в дополнении иерархии свободой — происходит переход к следующему социальному стереотипу, к открытой борьбе между частниками с участием отчужденных и соединенных тружеников, а также остатков этакратии, символизирующих прежнюю иерархию («либерализм»). Итог этого развития сводится к сохранению всех четырех классов: этакратия (уже индустриальная), частники (прежде всего индустриальные, то есть капиталисты), пролетарии, крестьяне (их место в обществе быстро сокращается). Для сохранения единства этой разнообразной структуры необходимо применение стереотипов, консолидирующих общество — господства и солидарности («корпоративизм»). Легко предположить, что дальнейшая эволюция общества не может быть связана с дальнейшей дисперсией, так как на фазе «пика цивилизации» достигнуто максимальное многообразие «чистых» элементов, и теперь возможно только их сокращение — вероятно, путем образования «промежуточных форм», упомянутых выше — «гражданского класса» и атомизированных субъектов, составляющих самостоятельный «сектор» общества. Но чтобы представить себе этот процесс точнее, необходимо более определенно представить себе процесс «трехтактного» развития на уровне периодов.

Внутренняя динамика развития эпохи, так же как и описанный выше процесс, определяется отчуждением от существующих слоев элиты и общества новых социальных слоев и последующего синтеза возникших компонентов. Применительно к элите (ее развитие, как правило, лучше отражено в источниках) это означает на уровне «становления» формации выделение этих новых слоев из существующей социальной массы (далее будем называть эту часть элиты «первичными слоями»), на уровне «пика» эпохи — дисперсию

новых слоев (будем называть эти слои «новыми»), а затем постепенный синтез продуктов дисперсии и первичных слоев.

Однако и этот механизм, в свою очередь, не является линейным — ведь и три фазы развития эпохи тоже, в свою очередь, проходят ту же эволюцию своего развития. В итоге мы можем получить более детальную картину социального развития эпохи уже на уровне периодов (для краткости рассмотрим только динамику элиты).

«Становление» эпохи характеризуется развитием первичных слоев элиты, доставшихся данной эпохе в наследство от предыдущей (новые слои еще просто не сформировались). Они образуют пару — один слой доминирует (элита в элите). Назовем его доминирующим, а другой — опорным. «Пик становления» (реакция) означает отчуждение доминирующего слоя и его удар по опорному, его максимальное подчинение. «Трансформация становления» («патернализм») — это ослабление и нивелирование первичного доминирующего слоя (далее — «первый слой»), активизация первичного опорного слоя (далее — «второй слой»), усиление взаимопроникновения «первого» и «второго» слоев и выделение преимущественно из «второго слоя» нового качества — новых слоев («третий слой»).

На этапе «пика» эпохи друг от друга отделяются уже сами новые слои. В период «становления пика» («равновесие») происходит выделение новых доминирующих слоев (собственно «третий слой») и новых опорных слоев («четвертый слой»). В период «пика пика» происходит столкновение и внутреннее дробление всех слоев, возникают их неустойчивые коалиции. Таким образом анализ доходит до максимума (в рамках стадии, естественно, он приводит к еще более дробной структуре), и вектор развития меняется. «Трансформация пика» базируется, как правило, на союзе доминирующих «второго» и «третьего» слоев, кладет начало постепенному слиянию образовавшихся к этому времени слоев, втягиванию старых слоев в новые. Однако процесс синтеза на основе возникшей социальной палитры новых социальных качеств проходит при решающем воздействии духовного фактора — идейных и социально-психологических конструкций.

Фаза «трансформации», несмотря на ее синтезирующую функцию, также не может избежать прохождения через свои три этапа.

Здесь отчуждаются новые слои, а точнее — образующиеся на их базе социальные комплексы (слияние пар перечисленных слоев в разном порядке). Отчуждаться они могут лишь друг от друга. «Становление трансформации» («интеграция») — это формирование новых доминирующих и опорных слоев, все большее расхождение социальной психологии обоих социальных комплексов, трения во взаимоотношениях между ними. «Пик трансформации» (период «синтеза») — бурный синтез новых слоев, их внутренняя дисперсия и разрушительные конфликты между социальными комплексами, которые, однако, не приводят к противоборству «всех против всех», подобному «конфронтации», так как сопровождаются процессами синтеза. «Трансформация трансформации» (период «импульса») — завершение образования доминирующего и опорного слоев новой эпохи, синтез их духовных составляющих. В результате возникают новые принципы построения социума, соответствующие новой эпохе.

Таким образом, модель, первоначально построенная для формации, на уровне периодов превращается в модель девятиактного взаимодействия четырех основных социальных слоев. Понятно, что эту модель можно рассмотреть и на уровне стадий.

ЧТО ОБЩЕГО МЕЖДУ СССР И ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИЕЙ

Итак, модель общественного развития, построенная абстрактно, подчиняется закономерностям, выявленным на основе сравнения конкретного исторического развития разных стран в разные эпохи. Это значит, что обнаруженная закономерность может быть объяснена взаимодействием косной, животной и духовной составляющих в социуме. При выяснении этого мы даже обнаружили новую закономерность проявления четырех социальных слоев во время смены периодов. Соблюдается ли эта закономерность не только в абстрактной модели, но и в реальности? Если нет, то доказательство нельзя считать убедительным.

Для проверки модели возьмем два социума, максимально непохожие друг на друга, но в то же время хорошо известные отечественному читателю: Аттику (регион в Греции) эпохи «формирования» (II тысячелетие до н. э. — V в. до н. э.) и Россию индустриально-этакратической эпохи («нормализация», началась в 1921 г.).

Начнем с Аттики. Период «формирования», завершившийся здесь образованием Микенской цивилизации, слабо отражен в письменных источниках, однако пришедшие в Аттику во II тысячелетии ахейские племена, как и всякие племена, находящиеся на стадии, непосредственно предшествующей образованию государства, имели жрецов («первый слой») и вождей родовых образований (будущая аристократия — «второй слой»). В середине II тысячелетия под влиянием Критской цивилизации на греческом побережье (в том числе и в Аттике) возникает государственное образование, в котором городские центры сосуществуют с общинно-крестьянской средой. Эта система напоминает азиатские деспотии, однако, по мнению ряда ученых, Микенская цивилизация была весьма еще скороспелой, вершущейся.^[32] Государственность здесь существовала только на уровне дворцовых центров, а развитой бюрократии еще не сложилось. Это была еще не этакратическая эпоха, а лишь период *01* — этакратическая эпоха «в миниатюре». Поскольку государственная

элита не была занята здесь созданием ирригационной системы, как в ранних азиатских деспотиях, то важнейшей функцией дворцовых центров, по-видимому, следует считать сакральную. В таком случае следует предположить, что период «реакции» сопровождается доминированием жреческого «первого слоя».

Следующий период — *02* («Гомеровская эпоха») XII–IX вв.: разрушение Микенской цивилизации в результате гибели Критской цивилизации и дорийского вторжения. Однако в Аттику дорийцы не вторгались, что, однако, не изменило вектора развития — отчуждение элиты ослабевает, растет роль аристократии («второй слой»), возникает и новое явление — элита, влияние которой связано не с происхождением или сакральными функциями, а с общественной и экономической активностью. Условно будем называть представителей этой элиты «вождями демоса» — «демагогами». Первым «демагогом», видимо, следует считать героя Илиады Терсита, бросившего вызов аристократии. И хотя аристократия еще успешно подавляла подобные попытки, новые слои продолжают развиваться, что приводит в конце концов к переходу в новый период — *03* (IX–VII вв.). Это время консолидации полисного социума («синойкизм»), которая связана с усилением торговой элиты и переносом городских центров на морское побережье. Образование полисной структуры повлекло за собой постепенное разделение вождей демоса на имущественную элиту (торгово-ремесленная элита — «третий слой») и лидерские группы, влияние которых было связано лишь с их общественной активностью (лидеры «охлоса» — «четвертый слой»). В ходе «архаической революции» VII–VI вв. (период *04*) третий и четвертый слои нанесли удар по аристократии. Однако образовавшийся в итоге режим тирании (стадия *05*, вторая половина VI в.) нельзя рассматривать как чисто «демократический». И сам тиран Писистрат, и входивший в его правительство Мильтиад были аристократами. В период *05* начинается постепенное сближение слоев. Формальное значение аристократии падает (особенно после реформ Клисфена в период *06*), но ее представители вливаются в новую элиту, которая, в свою очередь, разделена на имущественную и «охлакратическую». В конце VI века афинское общество вступает в фазу трансформации эпохи формирования — создается единая корпорация граждан, способная эксплуатировать другие социумы. Синтез единой полисной общности

не проходит безболезненно. В период *07* (490–480 гг.) в Афинах идет ожесточенная борьба между партиями по вопросам внешней политики. По существу, это была борьба по поводу того, каковы будут источники существования афинской корпорации — преимущественно внутренние (торговля, ремесло, крестьянское хозяйство граждан) либо внешние (эксплуатация других социумов, захват масс рабов). Исход этой борьбы был предопределен предыдущим развитием, а также успешной войной с персами (импульс эпохи этакратии 480–478 гг. — период *10*), приведшей к образованию Афинского морского союза — этакратической социальной системы. Такова возможная интерпретация динамики развития греческой цивилизации до греко-персидских войн. Имеет ли она общие черты с Россией XX века?

Выделим два основных слоя элиты, которые существовали в России к концу 1921 г. Это олигархия — узкий слой партийного руководства, фактически обладающий всей полнотой власти, и бюрократия, осуществляющая управленческие функции, связанные с конкретными областями жизни. Олигархия — «первый слой», бюрократия — «второй». Период «формирования» (период *50*): разрастание «второго слоя», его запросов и возможностей их удовлетворения.

Период «реакции» (период *51*): отчуждение от бюрократии узкой олигархической группировки («первый слой»), которая переходит в наступление против всех слоев общества, включая высший эшелон не входящей в эту олигархию бюрократии.

Период «патернализма» (период *52*): ослабление влияния «первого слоя», усиление влияния «второго», проявление самостоятельной роли производственной элиты (директорский корпус, менеджеры). Самостоятельная роль этого слоя, которая раньше «проявлялась» только в сознании авторов процессов «инженеров-вредителей», теперь становится все более заметной (например, в дискуссии о принципах реорганизации управления хозяйством в первой половине 1957 г.).

Период «равновесия» (период *53*): стабилизация «первого» и «второго» слоев, постепенное разделение новых слоев на «третий» (менеджерский — прежде всего директорский корпус, самостоятельная роль которого становится особенно заметной после экономической реформы 1965 г., и руководители «теневой» экономики)

и «гражданский слой», активность которого начинает проявляться в мягком «диссидентстве» инженеров и интеллигенции. В социологической и исторической литературе, посвященной западному обществу, новые слои индустриально-этакратического общества за неимением более определенного термина обозначают псевдонимом «средние слои». Между тем «средние слои» могут занимать самое разное место в социальной структуре. «Третий и четвертый слои» в нашей модели имеют ряд общих свойств — они связаны с конкретным производственным комплексом (предприятие, группа) и автономны в системе управления. Но если менеджеры осуществляют управленческие функции на предприятии (уже фактически контролируя его независимо от формы собственности), то гражданский слой (класс) связан не с управлением, а с самоуправлением. Его основная продукция — информация. Он не управляет (почти не управляет) и слабо управляется, будучи автономным в своей сфере. Это доминирующая группа современного гражданского общества. Однако гражданский слой может сформироваться как таковой лишь в ходе образования гражданского общества, которое объединяет в единую систему самоуправляющиеся группы, проявляющие независимую от государства и «большого бизнеса» социальную активность. Индивидуализированные представители «среднего класса» даже при высокой автономии и отсутствии управленческих функций долгое время не могут существовать без собственной управленческой элиты в лице «третьего слоя». Только на более поздних стадиях общественного развития в этом комплексе менеджеров и индивидуальных производителей информационной продукции начинают доминировать последние, образуя новое качество.^[33]

Но вернемся в XX век. Период «конфронтации» (период *54* — 1986–1993 гг.): наступление «третьего» и «четвертого» слоев на «первый» и «второй» (на уровне стадий динамика борьбы более сложна). Формирование гражданского общества и доминирование «теневого» и директорского лобби. «Нормализация» (период *55*) — победа бюрократии и директората («второго» и «третьего» слоев) и сближение их интересов на основе «номенклатурной приватизации» и «политики согласия» финансово-номенклатурных группировок.

На этом уровне российская элита находится сейчас. Если рассмотреть дальнейшую эволюцию на примере, скажем, Великобритании или США, то в период «интеграции» (период *56*) (соответственно, 1974–1979 и 1976–1980) мы увидим два социальных комплекса. На базе «третьего слоя» складывается коммерческий «эстеблишмент» (менеджеры, руководители хозяйственных субъектов, часть хозяйственной администрации, прежде всего — руководство транснациональных корпораций), влияние которого распространяется на часть государственной администрации, партийных олигархий и «средних слоев», описанных выше. На базе «четвертого слоя» образовался другой комплекс, включающий в себя большинство общественных движений социальной направленности (гражданский слой), часть государственной и основную массу общественной бюрократии, часть партийных олигархий.

Синтез (период *57*, время неоконсервативного курса) — конфликт между двумя социальными комплексами. Доминирующий характер «третьего слоя» позволяет его комплексу одерживать «пирровы победы» над институтами гражданского общества (в Великобритании — успех правительства М. Тэтчер в борьбе с профсоюзами и гражданскими движениями в 1983–1985 гг.), но в итоге разросшиеся в этот период гражданские слои переходят в «контрнаступление» против неоконсервативной системы (в Великобритании начало этому процессу положило движение против налога Poll tax в 1989–1991 гг., которое серьезно дестабилизировало систему, созданную правительством М. Тэтчер и положило начало до сих пор не преодоленному кризису режима).^[34]

До сих пор ни одна страна мира не вошла в период импульса (ближе всего к нему находятся такие страны, как США и Великобритания).^[35] Россия, по нашему мнению, будет проходить периоды *56*–*57* в последние годы этого века — первые годы следующего. Так что еще несколько лет серьезная революция ей не грозит.^[36]

Итак, наш экскурс в недавнюю и древнюю историю показал, что закономерности, выведенные на примере абстрактной социальной модели и путем рассмотрения конкретно-исторического материала, в целом подтверждают друг друга (хотя по поводу деталей возможны

споры, результаты которых могли бы скорректировать предложенную выше картину).

XXI ВЕК

Сопоставляя черты информационной формации и составляющих ее эпох, аналогичных периодам интеграции, синтеза и импульса, а также входящих в них периодов, мы можем попытаться построить более или менее точную модель развития цивилизации в XXI в., а в общих чертах — и более поздних эпох. При этом необходимо учитывать, что страны мира сейчас находятся на различных стадиях развития, что осложняет действие макрополитических закономерностей.

Теоретик информационного общества О. Тоффлер справедливо писал, что ближайший исторический рубеж «также глубок, как и первая волна изменений, запущенная десять тысяч лет назад путем введения сельского хозяйства... Вторая волна изменения была вызвана индустриальной революцией. Мы — дети следующей трансформации, третьей волны».^[37] Тоффлер перечисляет такие черты новой формации, как демассивизация и деиерархизация цивилизации, деконцентрация производства и населения, резкий рост информационного обмена, сближение производства и потребления, полицентричные, самоуправленческие политические системы, экологическая реконструкция экономики и вынос опасных производств за пределы Земли, индивидуализация личности при сохранении солидарных отношений между людьми, которым в информационную эпоху почти «нечего делить», космополитизация и др.^[38]

Эта концепция, во многом базирующаяся на антиавторитарной социалистической традиции от анархизма до новой левой идеологии, не вполне соответствует тем тенденциям общественного развития, которые можно наблюдать в мире конца XX в., например — росту этнического самосознания как частного случая корпоративности (отмирающей, по мнению Тоффлера, вместе с нациями). Картина, нарисованная Тоффлером — это не утопия (поскольку за каждым положением его работ — примеры реальных ростков сегодняшней жизни), это скорее — модель зрелого информационного общества, идеала, соответствующего мечте о коммунизме, анархии, а может быть

— и царстве Божием на Земле в современной интерпретации. По мнению Тоффлера, «третья волна», переход непосредственно к этому обществу начался. Это верно, но только отчасти. Развитие общества нелинейно, и мир движется к пику новой формации через эпоху, которая может так же отличаться от «развитой» формы, как абсолютизм от эпохи революций. Поэтому, во многом соглашаясь с теоретиками постиндустриального общества, мы применим свои методы к определению черт следующей эпохи — становления информационного общества (или фазы трансформации).

Прежде всего напрашиваются две линии сравнения — с трансформацией становления (феодализмом) и становлением индустриализма (то есть предыдущей фазы, структурно состоявшей из двух цивилизационных укладов, в отличие от становления аграрного общества). Экономико-технические отличия интеграции от обеих этих эпох очевидны — будет происходить вытеснение индустриальных технологий информационными. Последствия этого процесса полно описаны О. Тоффлером, который прежде всего на них и обращает свое внимание. Однако процесс этот будет происходить не очень стремительно, так как уже сейчас заметно сопротивление, которое общественные отношения оказывают технологической перестройке. Важным отличием следующей эпохи (как и всякой интеграции) от равновесия является отсутствие жесткого авторитаризма. В большинстве своем форма общественных систем этой эпохи весьма демократична. Большую роль играют механизмы социальной помощи (это следует из характеристик аналогичных периодов), которые определяют относительную прочность социальных корпораций (что роднит эту эпоху с феодальной). В отличие от феодализма XXI век (в силу своей информационной направленности) не будет ограничивать перетоки информации. Это, видимо, не будет касаться разрушительных информационных технологий и духовных техник (уже сейчас цивилизация осознает опасность распространения компьютерных вирусов, например). Так что не исключено возрождение некоторых институтов, которые их противники в пылу полемики будут сравнивать с инквизицией. В остальном общественные институты передовых цивилизаций XXI в. можно охарактеризовать как равновесие без абсолютизма и феодализм без информационной и социальной замкнутости, а также, вероятно, с

гораздо меньшим уровнем насилия (что не исключает заметных всплесков терроризма, превосходящих нынешние).

Наметив общий контур, обратимся к социальным слоям этой эпохи. Поскольку речь идет о начале глобального социального синтеза (преодоления разделения на элиту и население («эксплуататоров и эксплуатируемых», выражаясь привычным для нашей страны языком)), то впереди — доминирование «средних слоев», соединяющих в себе черты элиты и «трудящихся масс». Как мы упоминали, в чистом виде это — гражданский класс и индивидуальные производители (либо маргиналы). Но, как мы видели, «чистые классы» в реальности состоят из более сложных слоев. Продукты синтеза основных классов элиты и средних слоев могут быть следующими: «истеблишмент» — социальные структуры государственных и транснациональных финансовых и информационных институтов, все более тесно связанные между собой (синтез отчужденной элиты — этакратии и отчужденного труда); свободные производители информации (синтез индивидуального бизнеса и индивидуального труда); «общинники» — самоуправляющиеся группы тружеников-собственников, участвующих как в материальном, так и в информационном производстве на основе свободного рынка и самоуправления (синтез частного предпринимательства и соединенного труда); «синдикалистский сектор» — общественное регулирование самоуправляющихся предприятий, общественные организации, располагающие собственными предприятиями, ассоциации предприятий, принадлежащих своим рабочим, в которых присутствует сильное общественное регулирование (синтез этакратии и соединенного труда).

Эти четыре слоя могут проявиться на протяжении всей эпохи, а к моменту импульса *58* формируются только две основные социальные коалиции. Синтез слоев предыдущей эпохи позволяет сформироваться истеблишменту и гражданскому слою, под контролем которых остаются еще значительные массы населения (как самостоятельная социальная сила эти слои исчезнут только вместе с остатками индустриализма, то есть весьма не скоро — их культурных уровень должен сравняться с культурным уровнем новой элиты, после чего общество станет более однородным и в социальном отношении). От исхода революции-импульса в каждой стране зависит, какой слой

будет доминирующим, а какой — опорным. Если доминировать будет истеблишмент, то изменения общественной «надстройки» будут не столь велики, и общество будет более космополитично (современный истеблишмент в значительной степени транснационален, государственная бюрократия срачивается в нем с бюрократией ТНК). Если победа достанется гражданским движениям, то конфигурация социальной структуры будет более горизонтальна, демократична, связана с национальными корнями. В любом случае центры власти и управления сместятся с национального на транснациональный и локальный уровни, управление будет вытесняться самоуправлением. Сформируются как влиятельные региональные общности, так и противостоящие им замкнутые на международные институты («мировое сообщество») надгосударственные бюрократии, символизирующие новые общности — например, Евросоюз, Североамериканский, Латиноамериканский, Евразийский (на территории части бывшего СССР), позднее — Индийский, Арабский и Китайский союзы (восточная часть последнего будет вероятно тяготеть к формирующемуся Тихоокеанскому сообществу — лидеру эпохи синтеза).

В период формирования будет происходить быстрый рост информационных технологий, которые, однако, еще не будут преобладать над индустриальными. Обострится борьба за информационные поля и ресурсы. Основное противоборство между истеблишментом и гражданским обществом будет вестись вокруг проблемы монополии на информацию (при этом мощные информационные монополии будут также действовать под флагом свободы слова, поскольку покушение на их права будет трактоваться как подавление свобод); свободы бизнеса (которая будет ограничиваться под давлением общественных организаций). Будет происходить раздел сфер влияния между наднациональным истеблишментом, регулирующим космополитичные информационно-финансовые поля, и многоярусными локальными центрами влияния вплоть до самоуправляющихся производств и поселений. Преобразования в странах «очага» новой «мировой революции» вызовут трудности в их взаимоотношениях с теми ведущими индустриальными державами, которые еще не перешли в новую эпоху либо при переходе сумели избежать больших изменений. Еще одна

важная проблема, с которой лидеры цивилизации столкнутся в это время или несколько позднее — переход большой группы стран Третьего мира в эпоху конфронтации, что может в условиях резко обострившейся демографической проблемы вызвать в них революционный взрыв, превосходящий масштабы большевистской революции, с неизбежной «революционной» экспансией против «буржуазного» Севера (вероятно — под радикально-исламистскими лозунгами).^[39] Учитывая ресурсную зависимость Запада от Третьего мира, это может дестабилизировать всю экономическую систему, которая казалась оптимальной в индустриально-этакратическую эпоху, и привести к новой волне интегральных революций. Однако необходимость сопротивляться экспансии с Юга может привести к вхождению в период реакции, сводящий на нет общественные достижения прошедших двух периодов, но ускоряющих военно-технологическое развитие. Подобные диспропорции скорее всего затормозят развитие даже наиболее динамичных стран Запада, после чего лидерство перейдет к странам третьей группы. Судя по логике резонансов, она будет состоять из стран славянского культурного блока, более предрасположенных к общинно-социалистической парадигме новой эпохи. Помощь славянского мира даст Западу шанс не только справиться со своими проблемами, но и провести демонтаж авторитарных структур периода *61* там, где они образуются, после чего влияние административно-финансового истеблишмента заметно ослабеет (тем более что информационный истеблишмент вероятно выступит на стороне сторонников «либерализации»). Это будет сопровождаться выходом из-под контроля двух первичных слоев третьего — ассоциированных производителей информации, прежде недостаточно самостоятельных. Их успехи — свидетельство возобладания информационного сектора над индустриальным.

Бурные первые десятилетия XXI в. совпадут с фазой становления эпохи, и останутся в истории десятками революций разного типа, военными столкновениями между Севером и Югом, регионализацией государств и формированием влиятельных наднациональных союзов, этноконфликтами и терроризмом, революцией в Китае (период *54* здесь придется, вероятно, на грань веков), ослаблением стран Запада и усилением стран Восточной Европы, множеством региональных переворотов и бурным изменением технологий, исходом населения из

городов в поселения, состоящие из коттеджей, насыщенных аппаратурой, массовым освоением электроники и новых типов коммуникаций, обострением экологического кризиса. Эта проблема, наконец, станет очевидной для всех, тем более, что ослабление индустриализма нейтрализует группы, препятствующие экологической перестройке общества. Там, где экологические процессы не примут необратимого характера, социально-экономическая структура нового общества будет способствовать экологизации. В других ситуациях экологические катастрофы не только приведут к гибели масс людей и установлению авторитарных режимов под флагом борьбы с «нежданной» опасностью, но и к глобальным последствиям, затрагивающим интересы всего мира. К сожалению, только после перехода к периоду равновесия передовые общества смогут оказать широкомасштабную помощь жертвам катастроф. Поэтому длительное время потомки нынешних людей, равнодушных к экологическим угрозам, будут расплачиваться жизнью за бездействие наших современников.

Период равновесия ведущих стран мира будет сопровождаться бурной деиндустриализацией, деурбанизацией, ростом информационного сектора, укреплением социальных и политических институтов интеграции, смягчением экологической проблемы.^[40] Локальные и транснациональные структуры, окончательно разделив сферы влияния, установят фактический союз, удивляющий свидетелей былой борьбы. Упрочение социума позволит остановить экспансию Юга и как-то нормализовать отношения с ним. В то же время «окостенение» социальной структуры будет вызывать недовольство как у третьего слоя (ассоциированные производители информации), так и у растущего четвертого слоя — атомизированных производителей информации и маргиналов, особенно молодежи, акселерация которой из-за информационной насыщенности будет происходить небывалыми темпами. Недовольная «застоем» масса «индивидуалистов» будет продуцировать непредусмотренные социальным порядком духовные техники, которые могут оказаться опасными для людей и коммуникаций.

Все это определит динамику периода конфронтации эпохи интеграции. Она начнется атакой самоуправляющихся производителей информации против всех жестких структур, корпораций, традиций,

против остатков монополизма, бюрократизма и теневого регулирования и мафиозности. Однако в этой борьбе «индивидуалы» зайдут гораздо дальше, чем «общинники», все же приверженные определенным традициям и нуждающимся в координации производственного процесса. Одновременно в борьбу вмешаются осколки индустриального общества, бунты которых напомнят, что не все жители еще вошли в информационную элиту. Дезинтеграция общества не позволит избавиться от многих проблем предыдущего периода и, вероятно, ухудшит условия жизни. Это вызовет консолидацию второго и третьего слоев на консервативной основе, но «деструктивная» коалиция, как это обычно случается в конфронтации, может усилиться за счет первого слоя, потесненного в начале «революции». Саботаж «индивидуалов» может быть очень эффективен и парализовать информационную инфраструктуру страны. Но, в конце концов, общество или найдет компромисс с ними, или, что более вероятно, найдет способ временно нейтрализовать «агрессию изнутри».

В период нормализации информационный сектор уже будет откровенно преобладающим, и доминирующие слои будут обеспокоены прежде всего проблемой «индивидуалов». Возможно, это вызовет усиление контроля над движением информации. Эффективным решением социальных и демографических проблем может стать космическая экспансия. Необходимость сохранения традиций, доказанная предыдущим периодом, и интенсивные духовные поиски, характерные для всей информационной фазы, приведут к росту религиозного фактора, который также первоначально может способствовать смирению страстей. Когда острота противоречий притупится, общество сможет перейти к интеграции.

Интеграция эпохи интеграции может стать своеобразным «золотым веком», эдаким социалистическим идеалом с важным дополнением в виде утверждения религиозного сознания. Прежние четыре слоя постепенно будут образовывать два основных — транснациональные (возможно — космические) ассоциации индивидуумов и локальные ассоциации ассоциаций. Между ними будет вестись духовная борьба в форме разнообразных дискуссий. Широкий плюрализм будет иметь, однако, некоторые ограничения, связанные с существованием информационного «вредительства»,

которое сохранится как социально-политическое явление. Более передовым странам удастся растопить лед империи, возникшей в результате революции в Третьем мире, и приобщить ее осколки к благам информационной цивилизации. Это общество в силу своей широкой открытости будет очень уязвимо. Результатом может стать победа в ряде ведущих стран какой-либо духовной партии (вероятно — религиозной или псевдорелигиозной) и переход к периоду «синтеза». Впрочем, эти события уже вряд ли относятся к истории XXI века.

Крушение подобного режима откроет дорогу новой эпохе — развитому информационному обществу. Его модель, вероятно, будет основана на свободных ассоциациях производителей информации, регулируемых неким подобием центра, авторитет которого будет опираться прежде всего на превосходство знания (такая структура может быть воспроизведена путем сравнения признаков информационной эпохи и признаков периода синтеза). Вероятно, стратификация этого общества будет определяться уже не столько социальными признаками, сколько соотношением в психике субъектов духовного, косного (в данном случае — деструктивного) и животного начал. Соответственно, и динамика сил будет далека от привычной нам социальной логики. Поэтому мы ограничимся здесь только предположением, что смысл этой эпохи будет заключаться в подготовке человека к переходу к новому, надцивилизационному состоянию, для которого характерно абсолютное преобладание информационного начала. Сам процесс такого перехода будет проходить в эпоху импульса, смысл которой легче обсуждать в рамках теологии, чем социально-исторического исследования.

Иллюстрации

АНАЛОГ ТАБЛИЦЫ МЕНДЕЛЕЕВА ДЛЯ ИСТОРИИ?

В заключение повторим, что взаимодействие в социальном организме косного, животного и духовного начал порождает эффект регулярной смены определенных этапов общественного развития, в каждом из которых в смягченной форме повторяются те же этапы и так далее. Черты этапов и закономерности их смены были описаны выше. В краткой работе мы не могли рассказать обо всех нюансах этой периодической структуры общественного развития. Однако важно другое: историческое развитие подчиняется вполне конкретным закономерностям, исследование которых позволяет составить объективное и сравнительно точное представление не только о прошлом, но и о будущем.

Неужели история настолько предопределена и многообразна? Но со школьных лет мы знаем, что весь окружающий нас мир состоит из сотни элементов таблицы Менделеева. Периодический закон, обнаруженный Д. Менделеевым, позволяет многое объяснить в мире, но он не превращает природу в серое однообразное повторение уже пройденного. Кроме того, закон Менделеева не «отменяет» бездонной сложности атомов и их частиц, по поводу структуры которых до сих пор ведутся горячие споры — не менее жаркие, чем дискуссии о психологической структуре человека. В этом отношении окончательной «точности» и «предопределенности» не достигнут ни естественные, ни гуманитарные науки. Но это не мешает нам стремиться постичь хотя бы элементы истины, чтобы в бескрайнем лабиринте исторических развилок и развилок своей души иметь хотя бы общее представление о том, в какую сторону ведет очередной поворот, каковы контуры будущего, какой наш шаг послужит совершенствованию, а какой — деградации. Мы не можем «перепрыгнуть» через стенку лабиринта, но мы можем обойти ее, имея общее, а иногда и детальное представление о том, где находимся. История диктует нам довольно жесткий алгоритм развития, который не терпит ни «прыжков выше головы», ни попыток «остановить время». В то же время развитие не фатально — оно полно малых и

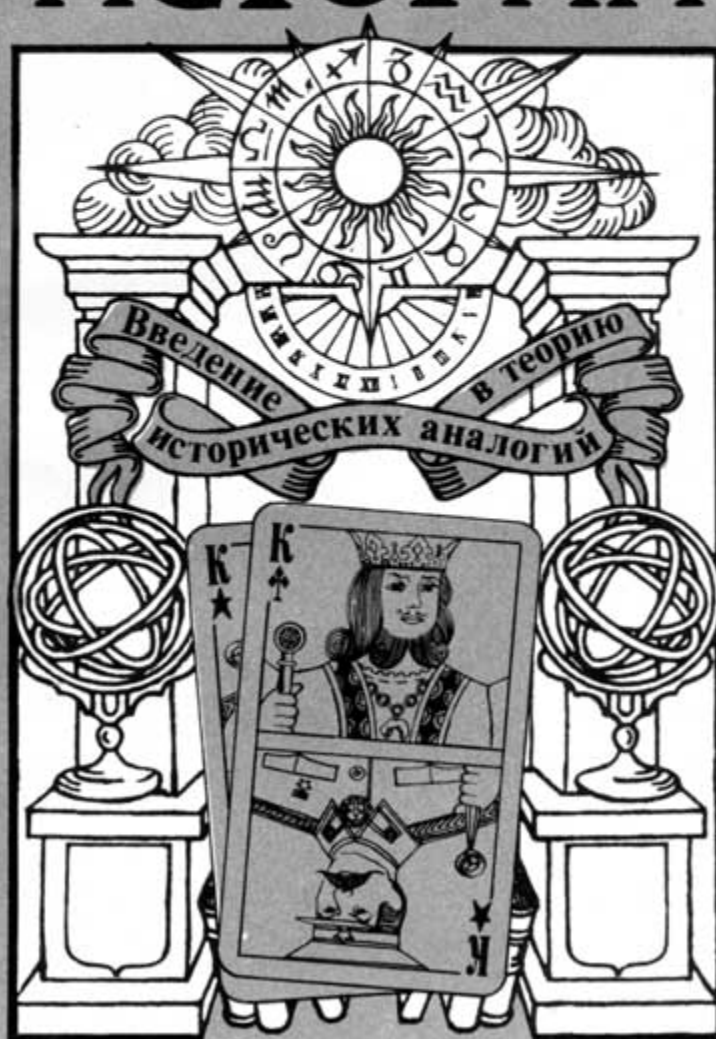
больших развилок, которые позволяют направить развитие неизбежного исторического этапа по руслу того или иного варианта, уменьшить издержки исторического шага. В знании нет рецепта против неизбежного, но оно позволяет подчинить неизбежное своему духу. Глупого судьба тащит, мудрого — ведет.

Приложение

Выдержки из «Гармонии истории»^[1].

Александр ШУБИН

ГАРМОНИЯ ИСТОРИИ

Ссылка по сноске #9

(страницы 87–96)

Вокруг личности Петра не одно столетие происходят дискуссионные схватки. Как правило, историки и публицисты, для которых смыслом прогресса является государство, отзываются о Петре положительно; те же, для кого приоритетно общество, — с осуждением. Нам предстоит не столько высказать свое отношение к этому государю, сколько найти ему место в ряду периодов, тем более, что вслед за формированием XVII века наступает «развилка», т. е. можно двинуться в сторону реакции, можно — в сторону патернализма. А может быть, Петр избрал свою дорогу?

К сожалению, и Петру I, и прочим государям не удалось выбрать нечто третье. Его политика, часто отождествляемая в истории с реформизмом и модернизацией, несет в себе явные черты реакции. Переворот 1689 г., в результате которого Петр получил реальную власть, положил конец планам фаворита правительницы Софьи Алексеевны Василия Голицина начать умеренные преобразования в пользу введения парламентарных институтов^[2] (своего рода подтверждение победы над «бухаринизмом»). Дальнейшие преобразования Петра, какими бы западными вывесками они ни прикрывались, всегда преследуют одну цель — изыскать средства накачивания мускулов государства. Попытка стрельцов, доведенных до отчаяния непривычными для них условиями службы, сопротивляться этому курсу (стрелецкий бунт 6-17 июня 1698 г.) вызвала первую волну широких репрессий. Проведенный осенью того же года «стрелецкий розыск» привел на плаху около тысячи стрельцов^[3].

Вспомним 1929 год. Сталин и его подручные приступают к радикальной перестройке общества. В чем ее смысл? Самоуправляющееся крестьянское хозяйство уничтожается (равно как и хрупкая, но экономически эффективная сеть самоуправляемых кооперативов)^[4] и заменяется абсолютно послушной системой крупных сельских «мануфактур» — колхозов. Официальная

пропаганда кричит о том, что сообща легче можно будет применять трактора, но эта идея еще ничем не подкреплена — тракторные заводы пока лишь в проекте. Когда же производство наладится — технику оставят у государственных МТС. Зато председатель колхоза не сможет отказать в поставках правительству. Председатель, а не крестьянин распоряжается хлебом — голодать он будет последним, однако перед НКВД отвечать — первым.

Огромная масса колхозного хлеба должна быть направлена строителям гигантских заводов (гигантами легче управлять неповоротливой бюрократии), производящих не то, что нужно крестьянам, а то, что пожрет военно-промышленный комплекс и другие части государственного организма.

Такая система не терпит инакомыслия, зато нуждается в большом количестве специалистов. Сделать из специалиста конформиста, загнать крестьянина во «второе крепостное право» может страх — проводятся показательные политические процессы («Промпартии», «Трудового крестьянского союза», меньшевиков), начинаются массовые репрессии против крестьян.

Военная истерия (при том, что на Россию никто не нападает) сочетается с готовностью расширять торговые отношения с Западом. Причем Россия выступает в качестве сырьевого придатка (растет экспорт дешевого хлеба, древесины и т. д.). Этому немало способствует все более широкое применение рабского труда (концентрационные лагеря). Несмотря на пропагандируемую враждебность к Западу, СССР охотно покупает зарубежные технологии, приглашает специалистов. Стремясь превратиться в мировую супердержаву, СССР опирается во внешней политике не на интересы населения, а на возможность вмешательства в зарубежные конфликты (опора на Коминтерн, широкие операции НКВД за границей, включая похищения политических деятелей).

Не такой ли план лежал в основе политики Петра I? Рассмотрим под этим углом его преобразования. 1699 год — удвоение налогов с купцов под предлогом введения муниципалитетов. Муниципалитеты потом легко были вмонтированы в систему абсолютной монархии, а налоги продолжали быстро расти. Постепенное сведение на нет власти высших коллегиальных органов, способных принимать самостоятельные решения. Сталин пытается это делать, но дважды

терпит поражение — в начале 1930 года — крах первого этапа коллективизации; в 1932 году «дело Рютина» (последователя Бухарина), потребовавшего устранения Сталина «любыми средствами». Попытка Сталина добиться расстрела Рютина не удалась вследствие сопротивления Политбюро.^[5] Причина особенностей сталинского правления кроется и в том, что цари в 1671–1698 гг. провели «дополнительную» подготовку к введению абсолютизма (об этом периоде «выпавшем» из XX века, мы уже упоминали) и имели больше «конституционных» оснований на единоличную власть. В то же время при большевиках существует абсолютизм Политбюро, которое и можно рассматривать в этот период в качестве «коллективного Петра». Позднее Сталин догонит абсолютных монархов XVIII века.^[6]

В 1700 г. казна накладывает руку на церковные доходы. Откровенно фискальный характер носит городская реформа. Дополнительный канал поступлений открывает денежная реформа (новое, более аккуратное, чем в XVII веке, введение медных денег) — монетный двор за два послереформенных года увеличил производительность в девять раз (9, с. 78). С началом Северной войны (Петру, в отличие от его аналогов, представился случай ввязаться в драку)^[7] резко возрастают налоги, что вызывает разруху и голод, поборы взимаются со всего — с бород, цвета глаз, гербовой бумаги. Но главное достижение этой политики — окончательное закрепощение крестьянства: в 1718–1721 гг. проводится всеобщая перепись населения, и теперь каждый крестьянин закреплен за определенным поместьем (словно колхозом). Конечно, приусадебный участок колхозника гораздо меньше крестьянского надела, но ведь эта разница количественная. XX век несет с собой большой индустриализм, норовя и сельское хозяйство перестроить по образцу фабрики.

Но и в патриархальном XVIII веке властителей тянуло к индустриальной революции (не менее, чем Сталина, Кирова, Куйбышева и Орджоникидзе). Симпатизирующий Петру исследователь В. И. Буганов пишет: «Основа основ жизни всякого государства — труд народа, развитие промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта. И Петр, прекрасно это понимая, немало усилий и нервов тратил для организации строительства мануфактур и торговых судов, дорог и каналов, мобилизовывал

большие массы людей, крестьян и горожан на различные работы, а дворян и купцов поощрял и понуждал служить в армии и на флоте, в учреждениях и конторах, в лавках и на ярмарках. Люди гибли тысячами на стройках и заготовке леса из-за голода и холода, плохого жилья и убогой одежды» (9, с. 129).

Не только труд народа, но и кости его стали фундаментом петровского, равно как и сталинского, государства. В погоне за процветанием крупных предприятий-монополистов Петр и соратники «принимали меры к свертыванию мелкой промышленности там, где основывали крупные заводы» (9, с. 130). Как и при Сталине, и даже в несколько больших масштабах, индустриализация Петра I была основана на применении рабского труда. Царю не нужно было собирать по всей стране «врагов народа», он просто приписывал к заводу местных крестьян, обрекая их на каторжный труд. Впрочем, позднее (в 30-е годы XVIII века по «романовскому» календарю) Сталин догонит своих предшественников, закрепостив рабочих в 1940 году.

Военизация общества преобразила и правящую элиту. Прежде всего, был нанесен удар по хозяйственным боярам. Весь господствующий класс теперь отрывался от своих хозяйств и должен был нести пожизненную административно-военную повинность. Из дворян выстраивалась четкая чиновничья иерархия, основанная на беспрекословном подчинении нижестоящих вышестоящим (словно ВКП(б) после 1929 г.). Феодалам было просто недосуг заниматься воровством крестьян друг у друга, а тут еще перепись грянула — крепостное состояние превращалось в безысходность. Необходимо было поставить последнюю точку — ликвидировать утечку крестьян на Дон, к казакам.

Осенью 1707 г. сюда прибывает князь Ю. В. Долгорукий для сыска беглых. Но — «с Дону выдачи нет». Начинается восстание, оно очень быстро поддерживается крестьянами соседних губерний. В 1929–1932 гг. крестьяне также отвечают восстаниями на введение «второго крепостного права». В обоих случаях подавление отличалось особой, показательной жестокостью — с тысячами казней, со ссылками, выжженной землей.

Все это преследует лишь одну цель — укрепить всевластие и военную мощь сверхцентрализованной бюрократической элиты. Во

внешней политике это выразилось в «прорубании окна в Европу», где можно реализовать добытое рабским и крепостным трудом сырье и продовольствие. Сталину в 1932 году для расширения торговли не нужно было захватывать Прибалтику — в его распоряжении был Ленинград. (Все-таки Сталин выполнит эту задачу XVIII века, оккупировав Прибалтику в 1940 году. По «календарю XVIII века» — это конец царствования Анны Ивановны. В XVIII веке подобная задача выполнялась на протяжении всего периода реакции, т. е. до 1953 года по «календарю XX века»).

Захватив прибалтийские порты, Петр, как и сталинское руководство, начинает вывозить из страны хлеб и лес, природные и продовольственные ресурсы в обмен на изделия промышленности, превосходящие по качеству отечественные. Поскольку масштабы эксперимента в XX веке были крупнее, чем в XVIII, Петр I привел народ к бедственному положению, а сталинское руководство поставило его на грань вымирания (голод 1932–1933 годов). Зато наши продукты на внешнем рынке были самыми дешевыми даже в момент всемирного кризиса перепроизводства 1929-33 гг. Деньги «на оборону» и безбедное житье у элиты имелись.

Важным элементом поддержания порядка в этой сытой, но недостаточно еще дисциплинированной элите, стала политика ограниченных репрессий. Когда вокруг царского сына Алексея объединились люди, не желавшие нести ответственность за происходящие в стране перемены, началось печально известное «дело царевича Алексея». Алексей Петрович по характеру своему не мог пользоваться теми методами, которым был привержен его отец. Поднимать Россию на дыбы он не хотел, а на дыбу не мог: «Привлек его Петр и к организации борьбы с участниками третьей Крестьянской войны на Дону и в прилегающих к нему областях. Как и в остальном, Алексей Петрович проявил незаинтересованность, халатность» (9, с. 151–152). «Незаинтересованность» в организации подавления собственного народа путем массовых пыток и казней — это ли вина перед историей?

У царевича было два выхода — или постричься в монахи (читай: заключение), или покинуть Россию. Он предпочел второе. В сентябре 1716 года царевич бежит в Италию. Этот поступок был пощечиной всей политике царя: «Ушел и отдался, яко изменник, под чужую

протекцию, что неслыханно не тобою между наших детей, но ниже между нарочитых подданных, чем какую обиду и досаду и стыд отечеству своему учинил,» — писал Петр (9, с. 158–159). Чтобы возвратить сына, отец идет на дипломатические демарши, но решающую роль играют обещания самому царевичу: «Что просишь прощения, которое уже вам пред сим чрез господ Толстого и Румянцева и словесно обещано, что и ныне паки подтверждаю, в чем будь весьма надежен» (9, с. 160). Слово Петра, однако, оказалось не надежнее сталинского. Сначала царевича заставили выдать сообщников, затем у них под пытками выбили показания против него же, напоминающие фантасмагории сталинских процессов (например о том, что предусматривалось истребление петровских сподвижников, а возможно, и всего населения страны). В июне 1718 г. начали пытаться и самого царевича. 24 июня послушный Петру I Сенат вынес смертный приговор, но 26 июня царевич умер (возможно, он был задушен по приказу милосердного отца).

Удивительно (а может быть, и естественно), что советские исследователи предпочитают держать в этой истории сторону Петра, аргументируя материалами пыточного следствия. Это то же, что на основании материалов процесса «Промпартии» доказывать реальность ее существования.^[8] Вообще дело царевича Алексея воскрешает в памяти события менее далекого прошлого: дело «право-левацкого двурушнического блока», «дело М. Рютина», «Заграничные операции НКВД», а также побег Мясникова из страны. Но прежде всего здесь следует остановиться на фигуре выдвигенца Сталина — Сергея Сырцова.

Механизм восхождения к вершинам власти в XX веке менее подвержен случайностям, чем в предыдущие периоды, когда на престоле оказывались «помазанники волей божией», а царевичи могли расходиться с царями во взглядах. С. Сырцов был сыном своей партии. Он шел на чудовищно жестокие акции (подавление казачьего восстания в 1919 г.), на поддержку беспринципных действий при разгроме оппозиций. Но в отличие от Сталина, оправданием этому было не стремление к власти, а фанатичная уверенность в том, что социалистическая идея принесет людям счастье. В 1929 г. Сталин делает Сырцова Предсовнаркомом РСФСР. На премьера обрушивается поток информации, которая приводит к крушению его веры в

правильность политики Политбюро. Он видит результаты перегибов в коллективизации и выступает против них. Показному характеру успехов первой пятилетки Сырцов посвящает свою статью «О наших неудачах, успехах и задачах». Единомышленниками его становятся видные большевики «с безупречным прошлым». Это: В. Ломинадзе — первый секретарь Закавказского крайкома; один из организаторов комсомола — Шацкий; некоторые члены ЦК. Начинаются обсуждения происходящего, их участники приходят к выводу о необходимости приостановить безудержный рост промышленности. Как станет известно, одновременно действует и кружок сторонников программы Бухарина, который выступит позднее в «деле Рютина».^[9]

В 1930 г. за кордон бежит известный своей оппозиционностью Мясников. Он обращается к мировой общественности с разоблачениями сталинского режима. Сырцов отвергает «метод царевича Алексея» и решает выступить с тем же внутри страны. В августе 1930 г. выходит брошюра «К новому хозяйственному году», где Сырцов пишет о том, что бюрократизм подмял под себя задачи пролетариата, о необходимости сузить фронт строительства, тем более, что пущенные заводы на самом деле представляют собой «потемкинские деревни», при том, что рабочие живут хуже свиней, но и свиньям тоже живется плохо.

Заявление Сырцова было поддержано в обращении Закавказского крайкома партии.^[10] Их совместное выступление было рассчитано на партийные верхи и потому закончилось полным провалом Сырцова и Ломинадзе. Многие их сторонники были сняты со всех постов и исключены из партии.^[11] В 1932 году к еще более серьезным репрессиям привело распространение письма М. Рютина. Направленное лично против Сталина, письмо стало поводом для требования Генсека расстрелять Рютина. Но Политбюро — не Сенат. Абсолютная власть еще оставалась в руках этого органа — участники «рютинского дела» отделались тюремным заключением и были уничтожены позднее.

Ловя историю на повторях, мы должны остановиться и на расхождениях, вызванных характером эпохи. Во-первых, XX век отличается более развитым индустриализмом. Человек становится не только рабом начальника, но и рабом машины. В то же время применение машин делает начальников гораздо более могучими в

разрушении природной среды. «Высокие горы сдвигает советский простой человек.» Отсюда — большая масштабность сталинских начинаний в сравнении с петровскими, их большая разрушительная сила, большее количество жертв. В то же время и Петр склонен к индустриальной логике всеобщего подчинения, к игнорированию законов природы. (Один выбор места для новой столицы чего стоит!).

Во-вторых, Петр не собирался уничтожать коммерческую инициативу и ее носителей. Он только хотел подчинить их своему контролю. Для всей эпохи романовской России характерно равновесие купечества и дворянства, их мирное сосуществование. Не купцы составляют оппозицию режиму. Они в крайнем случае попросят чего, и снова довольны, а на фронду, на заговор идут те же дворяне-диссиденты.

В-третьих, крепостное право Романовых глубже и прочнее сталинского, оно — фундамент эпохи. Сталину так и не удалось окончательно закрепостить крестьян (это подмечено А. Солженицыным «В круге первом» — молодежь может ускользнуть в город). Романовы не только справились с закрепощением крестьянства, но и пошли дальше. Помещики стали отрывать крестьян от земли и продавать их в розницу. Такие крестьяне становились собственно рабами. Сталин, со своей стороны, компенсировал «недостаток» порабощения людей созданием крупных рабовладельческих хозяйств системы ГУЛАГ.

1717 год и 1932 год — переломные в развитии реакции. Система сложилась, нанесла первый оглушающий удар по обществу и теперь приступила к обескровливанию общественных тканей. Но и этот процесс идет неравномерно. Система-паук устает, боится лопнуть и потому время от времени переводит дух. Первая такая остановка — 1721 и 1934 годы. Окончание Северной войны, кажется, успокоило Петра I, а его преемники просто «распустили» бюрократию и народ. Первой разрешили уваливать от службы и погрязать в роскоши, а второму — платить меньше налогов (1729 г. — снижение налогов).

Ссылка по сноске #11

(страницы 104–107)

Патернализм. Александр I (1801–1825) и Н. Хрущев (1953–1964).

1801 год. Период начался с переворота (в 1953 г. — почти с переворота). Затем — выступление военных против наиболее влиятельного участника переворота Палена, отставка его 16 июня 1801 г. (дело Берия. Правда, здесь не совсем вызревший патернализм начал со смертной казни бывшего члена Политбюро).

1801–1805 гг. Первые, скромные реформы. Допускается некоторое оживление независимой от дворянства экономической активности купечества, возникает возможность выкупа крестьян на волю целой общиной. (Меры руководства КПСС были скромнее, но тоже несколько облегчили положение крестьянства). Государева «Грамота Российскому народу» провозглашает эпоху законности, гарантом которой является монархия (XX съезд КПСС декларирует эпоху законности, гарант которой партия).

Планируемые реформы (прежде всего запрет продажи крестьян без земли, т. е. ликвидация рабовладельческого элемента крепостничества) встречали сильное сопротивление консерваторов, контролирующего коллегиальный орган власти: «Александр боялся встретить оппозицию Совета в очень важном для себя вопросе, оппозицию, с которой, если бы она оказалась сильной, он бы не мог справиться,» — пишет исследователь М. Сафронов (12, с. 178). Борьба с консервативным окружением заставляет императора идти против своих изначальных «конституционных» пожеланий. 5 декабря 1802 года он дал отповедь Сенату, который воспользовался своим правом признать незаконным решение государя. Это очень похоже на время хрущевского либеральничания с его играми в законность и всплесками волюнтаризма с постоянной борьбой в Президиуме ЦК. Тем не менее Александру не удалось уменьшить масштабы рабства в той же степени, что и Хрущеву в 1954–1956 гг. ^[12]

1805–1807 гг.^[13] Вмешательство в европейский политический кризис, военные авантюры. Кончились они для Александра еще менее удачно, чем для Хрущева его политика в Венгрии и Польше. Наполеон отогнал Россию к ее собственным границам (Хрущев отстоял свою сферу влияния в Восточной Европе). В это время Александру, как и Хрущеву во второй половине 1956 года, было не до реформ.

1808–1812 гг. Подготовка реформ и первые административные перестройки — проекты и реформы Сперанского. Растет сопротивление консерваторов, дело движется к решительному столкновению в верхах (аналог первой половины 1957 г.). Но тут происходит вторжение Наполеона в Россию. Этот мощный внешний фактор, как ни странно, лишь облегчил те процессы, ради которых Хрущеву приходилось проявлять чудеса изобретательности — население мобилизовалось вокруг государя и ожидало от него преобразований после победы над врагом. Авторитет Александра упрочился с победой над «басурманом», и он мог предпринять серию пробных реформ.

1813–1818 гг. Секретная подготовка нового этапа реформ. Пробные реформы. Затишье в обществе (на календаре XX века — 1958–1961 гг.)^[14], Александр освобождает крестьян Прибалтики без земли (хрущевское разрешение на паспорта крестьянам, послабления колхозам). На первый взгляд, император менее радикален, чем его аналог. Но не надо забывать, что освобождение колхозников сдерживалось институтом прописки, и что, сбежав в город, они попадали в кабальную зависимость от заводского начальства. Если еще вспомнить, что Александр бережно сохранял слой «черносошных» (государственных, а значит, независимых от помещика и почти независимых от далекого начальства) крестьян, то степени либерального **патернализма** обоих режимов уравниваются.

1818–1820 гг. (аналог 1961–1963 гг.) — кульминация борьбы за преобразования в стране. Государь выступает в защиту конституционности. Александр I в Варшаве, жалую полякам конституцию, отмечает: «Образование, существовавшее в вашем краю, дозволило мне ввести немедленно то (положение — А. Ш.), которое я вам даровал, руководствуясь правилами законно свободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений, и которых спасительное влияние надеюсь я с помощью божьей

распространить и на все страны, провидением попечению моему вверенные» (13, с. 157). Начинается обсуждение этого беспрецедентного заявления и других российских проблем в прессе, но Александр грубо обрывает полемику руками цензоров.

В 1961 г. Хрущев выступает с новыми сокрушительными разоблачениями сталинской системы. Поддержанный многими заранее подготовленными к этому «сюрпризу» делегатами, Первый секретарь берет курс на форсированное построение коммунизма. У нас сейчас принято ассоциировать этот курс с утопией всеобщего изобилия. Но не надо забывать, что коммунизм, по официальной доктрине того времени, — это еще и общество всеобщего самоуправления, где отмирает государство. Хрущев, конечно, не собирался отдавать в новых условиях власть (в проекте Конституции, подготовленном сотрудниками Александра I, вся верховная власть тоже сосредоточивалась в руках царя (13, с. 185), но развивать в то же время «коммунистическое самоуправление» его заставляла доктрина. Сама идея совнархозов — координирующих органов местного хозяйственного руководства — уже исходила из необходимости приближения управляющих к управляемым. Разделение партийных организаций на городские и сельские также приближало власть к народу, хотя и не отдавало ее.

В то же время осторожность реформаторов, их всяческие «волюнтаризмы» (типа военных поселений в XIX веке или кукурузной политики в XX) раздражали и сторонников более радикальных реформ, и консерваторов. Естественный в таких условиях хозяйственный кризис вызвало движение масс трудящихся, которые ждали-ждали послаблений и улучшений, да и не дождались.

Литература:

12. Сафронов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988.

13. Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

Ссылка по сноске #22

(страницы 63–65)

Стадии Российской империи и СССР (современное представление):

318 — 1725–1727 — смерть Петра I, правление Екатерины I, падение Меншикова.

518 — 1953–1954 — смерть Петра I, уничтожение Берия и ряда других руководителей МВД и МГБ.

320 — 1727–1730 — правление Петра II и Верховного тайного совета, попытка провозглашения конституции.

520 — Подготовка и проведение XX съезда КПСС.

321 — 1730–1740 — правление Анны Иоанновны.

В СССР также был нанесен удар по вольнодумцам в конце 1956 г., но он не сопровождался устранением реформаторов от власти и не перерос в стадию третьего уровня.

322 — 1741–1768 — правление Елизаветы Петровны и Петра III. Реформаторский период Екатерины II.

522 — 1957–1958 — победа Хрущева в борьбе за власть и социально-экономические реформы.

323 — 1769–1773 — период правления Екатерины II после Уложенной комиссии и до восстания Пугачева.

523 — 1959–1960 — пауза в реформах Хрущева.

324 — 1773–1775 — восстание Пугачева.

524 — 1960–1962 — массовые социальные выступления в городах европейской части СССР, радикальный XXII съезд КПСС.

325 — 1775–1801 — завершение правления Екатерины и правление Павла I.

525 — 1963–1964 — завершающий период правления Хрущева (здесь больше аналогий именно с правлением Павла, чем с Екатериной, но параметры нормализации выдерживаются в правлениях обоих императоров — импульсивный Хрущев и его окружение, по настроению более близкое к екатерининским чиновникам, реализовали задачи периода быстро).

326 — 1801–1820 — реформаторский период Александра I.

526 — 1964–1965 — реформы Брежнева-Косыгина.

327 — 1820–1825 — завершение правления Александра I, формирование заговора декабристов.

527 — постепенный отход от реформаторства, формирование диссидентского движения в СССР.

328 — 1825 — подавление восстания декабристов.

528 — 1968 — завершение периода патернализма, последним импульсом для чего стало подавление «Пражской весны».

Ссылка по сноскам #33 и #40.

(страницы 287–294)

Синтезируется новый класс, который с трудом вписывается в социальную разливку XX века. Его представитель — человек умственного труда, рабочее место которого по большей части — за компьютером. Такой работник управляет техникой, но не людьми. Марксисты зачисляют его в рабочие. Но физическим трудом он не занимается. Этот полурбочий, полуинтеллигент имеет свой дом, и все больше занят своим хозяйством и мелким бизнесом. Живет он в основном вне города, хотя и постоянно связан с производством системами коммуникации. К тому же он владеет акциями и все активнее участвует в принятии решений на производстве. «Новый класс» укоренен в хозяйство, но подвижен, не терпит бюрократических препон. Он является основой гражданского общества, так как активен в отстаивании гражданских свобод, имущественно независим и

подвижен. Поэтому мы будем называть его ГРАЖДАНСКИМ КЛАССОМ.^[15]

Этому полурабочему, полукапиталисту^[16] уже не нужен ни менеджер, ни профсоюзный босс. Он может найти применение своим силам в любой отрасли промышленности^[17] (если эта отрасль уже компьютеризирована) и потому меняет место работы без мучительного процесса переквалификации. Именно этот класс обеспечил стабильность неоконсервативным режимам Америки и Европы, именно он их и погубит.

Дело в том, что, синтезируя гражданский класс как свою избирательную базу, неоконсерваторы (впрочем, во Франции это были социалисты) рушили многое, что им мешало, но не все. Демонтируется (хотя и не полностью) механизм государственного вмешательства в хозяйственную жизнь. Ведется подготовка к сносу таможенных границ Европы. Решительная внешняя политика оберегает Западный мир от угроз извне. Коммерческая свобода и свобода информации нужна рабочему-интеллигенту-капиталисту. Этот слой должен быть подвижным, чтобы втягивать в себя все другие слои, на которые было разделено общество XX века. Гражданский класс все менее терпим к тому, чтобы за него принимала решения администрация. Представитель гражданского класса достаточно раскован и просвещен и может спорить с начальством.^[18]

Между тем, неоконсервативный режим, подготовив основу для новой эпохи, продолжает держаться за старую. Допустив революционные перемены, он начинает упираться, когда речь заходит об административных правах государства, о самом государственном централизме. Правительство не идет на уступки меньшинству, предпочитая подавлять его сопротивление. По-прежнему поощряется развитие атомной энергетики и военно-промышленного комплекса, что сдерживает переход к децентрализованным формам промышленности и энергетики и несет огромную угрозу окружающей среде. Но когда люди скучены, ими легче управлять. И, наконец, самое главное — правительство, демонтируя структуры государства, всячески поддерживает «государство в государстве» — администрацию монополий. Капитанам бизнеса присущи основные недостатки государственной бюрократии — их администрация построена по тому же принципу чиновничьей иерархии.

Поддержка частного государства монополий заставляет неоконсерваторов блокировать участие трудящихся в решении производственных вопросов, сопротивляться развитию самоуправления. Политика снижения налогов также приобретает однобокий характер — государство хочет кормиться, но не за счет командиров индустрии. Бремя налогов все более ощутимо для слоев, пострадавших от решительных мер «синтезаторов», и для гражданского класса. Бескомпромиссность правителей приходит в противоречие с характером того общества, рождение которого они подготовили. Грядет гражданская революция — импульс эпохи интеграции.

Первые проблески этой революции мы можем наблюдать в Великобритании — непопулярная мера правительства (введение косвенных налогов) вызывает широкую кампанию гражданского неповиновения. Грандиозные митинги, небольшие столкновения с полицией, выход на авансцену экзотических политических течений (троцкисты и анархисты), массовый отказ от уплаты налогов — беспрецедентные события для законопослушной Великобритании. О конкретных формах этого импульса в России легче судить не по первым симптомам в Англии, а по восточноевропейским аналогиям.

В Восточной Европе в период (не путать с эпохой) интеграции вошли Польша и Чехословакия. В обеих странах импульс интеграции представлял собой кампанию гражданского неповиновения (забастовки, митинги) с последующими переговорами политических сил и проведение выборов на новых принципах. Чего будет добиваться кампания гражданского неповиновения в России в середине первого десятилетия третьего тысячелетия?^[19]

Увлекая за собой недовольных, гражданский класс сможет парализовать деятельность государств и административных структур. Сопротивление последних способно вызвать некоторые столкновения, но все же эта новая смута вряд ли будет особенно разрушительной.

Революция может протекать в самых разных ненасильственных формах — от вполне привычных (забастовки, митинги, блокады экологически вредных объектов, неуплата налогов) до необычных (бойкот официальных лиц, нудизм и т. д.)^[20]

События импульса интеграции (*81*)^[21] выльются в диалог социально-политических сил каждого региона. Общегосударственное

единство будет, видимо, подорвано — именно в этот период у России возникнет шанс разделиться на десятки государств нормального европейского размера — свободный конфедеративный союз, объединенный общими оборонительными интересами, культурными, экономическими связями, но не административными структурами «от моря до моря».^[22] Результатом регионального диалога станет переформирование традиционных политических течений XX века — в каждом из них выделится авторитарное, централизаторское течение и крыло сторонников согласия, сближения с другими силами на принципах локального общества. Это размежевание первоначально вызовет немалую путаницу и противоречивые блоки и столкновения, что продлит смуту.

Вторым результатом импульса станет окончательный приход к власти в политике и экономике поколения перестройки — людей, которые хорошо знают свои права, любят порассуждать, скептически относятся к традиционным методам решения проблем (они были свидетелями взлета и падения «очевидных истин»), не лишённые организаторских талантов. Третьим результатом гражданского неповиновения и следующего за ним диалога может стать освобождение от административного контроля тех производств и территорий, которые готовы перейти к самоуправлению. Появление равноправного сектора, основанного на самоуправлении, и автономизация территорий подорвет устойчивость традиционной административно-индустриальной структуры общества. Многим революционерам будет казаться: еще один напор — и революция гражданских прав и самоуправления победит, монстр централизованной власти будет уничтожен.

Но эпоха интеграции коварна — она не уничтожает, а примиряет непримиримое. Большинство политических сил придет к осознанию того, что самоуправление и управление, гражданские права и бюрократия могут некоторое время сосуществовать. В зависимости от исхода борьбы в различных частях России могут возникнуть более или менее авторитарные режимы. Некоторые бюрократические образования будут разбиты системой делегирования (формирования вышестоящих органов власти из делегатов нижестоящих). Некоторые сохранят свою целостность и независимость от общества. Но само общество будет уже другим — самым влиятельным станет

гражданский класс, будут преобладать самоуправление, индивидуальное и децентрализованное производство.

Образ жизни по сравнению с нынешним будет выглядеть даже чересчур патриархальным. Города опустеют и частично покроются лесом. Большой отток населения из мегаполисов уменьшит их до размеров начала XX века. Чтобы дать дорогу природе, специальные команды будут ломать асфальт. Основная часть людей будет проживать в небольших поселках. Жизнь в них будет вполне цивилизованной и не оторванной от внешнего мира — компьютерные и телевизионные системы связи начнут пополняться принципиально новыми. Расцветут эзотерические науки, что заманчиво и интересно, но не безопасно.

За вторую половину первого десятилетия XXI века новая общественная формация окончательно сформируется, экономические уклады утрясются и придут в равновесие, схватка различных политических платформ будет ограничена сферой компетенции отмирающего государства. Политические новости будут восприниматься в обществе уже не так эмоционально, как прежде. Традиционная беспечность самоуправления во взаимоотношениях с государством может снова сыграть с обществом злую шутку. Не исключено, что период *82* уже на грани второго десятилетия XXI века сменится реакцией.^[23] Она может прийти с разных сторон. Популярность человека, провозгласившего на волне гражданской революции основы нового строя, сможет стать основой для укрепления авторитаризма — «я дал, я и обратно взял». Психологическая усталость от самоуправления — необходимость то и дело самостоятельно решать свою судьбу, способна подтолкнуть человека к поддержке нового мессии. Сколько раз над общинным миром нависала машина деспотизма. Так может случиться и на этот раз. Экономической основой возрождения авторитаризма остаются интересы сохраняющейся бюрократии, расслоение предприятий и территорий на более и менее преуспевающие. Другой ресурс реакции — общинный коллективизм. Местные вожди, опираясь на групповой патриотизм, замкнутость общины, могут на короткое время установить в ней свой авторитарный режим.^[24]

Все же период *83* не будет долговечным. Во-первых, информационные системы слишком развиты, чтобы позволить надолго изолировать человека от критической информации. Диктаторы не

выносят дискуссий, но цензурировать телепатию и компьютерные системы трудно.

Еще одно испытание эпохи интеграции — ее конфронтация. Пройдя в 10-20-е годы через периоды *84* (установление гарантий гражданских свобод, когда они, наконец, достигают уровня Декларации прав человека; реформы политических систем на основе их децентрализации, федерализма), и *85* («застой», рост благосостояния, космические экспедиции), общество снова подходит к критической точке. К этому времени Россия будет выглядеть благополучной. Давно минули времена догоняющего развития, всесильных президентов и императоров, единого и неделимого Российского государства. Множество братских славянских стран попеременно с неславянскими образовали союз на пространствах былой империи. Солидарность и духовная связь славян сохраняется несмотря на то, что между их землями лежат территории азиатских народов. Возможно, конечно, что дальневосточные славянские страны после развала США будут ориентироваться на тихоокеанскую цивилизацию. С другой стороны, дополнительным источником славянской солидарности может оставаться исламское и китайское давление с юга.

Однако в недрах каждого из этих обществ уже копится нервное напряжение. Коллектив сдерживает свободу личности. Оставшаяся, хотя и небольшая, государственная надстройка мешает общинам, рост населения воскрешает проблему перенаселения. А это означает возврат экологических проблем, конфликты из-за дефицита жизненного пространства. Накапливаются подвижные слои людей, оторванных от самоуправляющихся общностей. Это и социальные, и психологические типы: безработные, авантюристы, нонконформисты, энергетически сильные личности. Прежде их втягивал в себя аппарат общественных организаций и отмирающего государства. Но гражданский класс не видит необходимости в сохранении бюрократии, не оставляя достойного места также многим извечным общественным типам, существование которых связано не только с социальными, но и с психологическими причинами — «комсомольские активисты», «пираты», «заговорщики» и т. д. ^[25]

Механизм конфронтации (видимо, 30-е годы XXI века) нельзя описать с помощью привычного для нас классового подхода. Это

столкновение гражданского класса самоуправляющихся общинников и «хуторян» с одной стороны, остатков бюрократии — с другой, и разноликой массы подвижных автономных личностей — с третьей. Предсказать методы борьбы еще труднее — скорее всего, оружием станет «просыпающаяся» сейчас биоэнергетика. Разрушение коммуникаций общества, не рассчитанных на «диверсии», может оказаться страшнее автоматных перестрелок и ракетных атак.

Видимо, конфронтация приведет лишь к постановке проблемы — личности тесно в сообществе, людям тесно на Земле. Общество сможет найти способы защиты от «хулиганов» и утопить острые дискуссии в соглашениях (периоды *87* и *88*). Однако нонконформисты от этого не исчезнут. Они станут основой синтеза новой эпохи.

Синтезируется эпоха синтеза, но синтеза чего? Круг замкнулся. Эта эпоха должна подготовить основы перехода к чему-то непостижимому, означающему конец человеческой цивилизации...

Ссылка по сноске #36

(страница 263)

Возможно, хозяева России не придумают ничего умнее, как ввести чрезвычайное положение и, для пущего сходства с Февралем, распустить парламент.^[26] Угрозы расправ не смогут остановить народное движение. В армии будет зреть демократический заговор, солдаты не захотят участвовать в карательных действиях. Ветераны оппозиции будут совещаться в ожидании дальнейшего развития событий. В крупнейших индустриальных центрах произойдет расширение стачечного движения.^[27]

Войска могут открыть огонь по толпе, но в любом случае решающим событием станет переход отдельных частей на сторону населения, после чего режим начнет расползаться по швам. Непродолжительные стычки могут закончиться очень быстро, хотя есть опасность, что они станут началом затяжной гражданской войны.

Вообще в этот период (*66* — 1917–1918 гг.; *766* — ориентировочно 1992–1993 гг.)^[28] вероятность гражданской войны в масштабах всей страны максимальна. По существу, все политические силы в 1917-м делятся на тех, кто разжигает гражданскую войну (преимущественно большевики, монархисты, часть анархистов) и кто пытается ее предотвратить (социалисты, часть анархистов, большая часть либералов).^[29] В то время, как одни выступают за немедленное перерастание одной революции в другую или немедленное прекращение всякой революции (что одно и то же), организуют вооруженные демонстрации, переходящие в уличные столкновения, — другие налаживают продовольственные поставки, организуют местное и производственное самоуправление, готовят радикальную земельную реформу.

(страницы 270–286)

Возможно, что в 1992-93 гг. противостояние будет не столь ожесточенным. Дай Бог, удастся даже избежать длительных вооруженных конфликтов в России. Не исключено, что они будут носить лишь локальный характер. Это может способствовать укреплению во многих движениях сил, нацеленных на примирение. Коллеги по партии будут обвинять их в предательстве, но благодаря старым связям по оппозиционному движению 1987-91 гг., может быть, они добьются мира не за счет уничтожения и подавления всех остальных, а путем соглашения, направленного против большевистской воли к безграничной власти, большевистского иезуитства, которое может жить в любой организации.

В зависимости от того, какой вариант победит, и будет развиваться нормализация (ориентировочно 1993-96 гг., возможно и дольше).^[30]

Этот период — быстрое повторение трагической российской истории XX века с некоторыми поправками, которые может внести международная ситуация конца столетия, и возможный более мягкий переход к «нэпу» (кстати, в США именно так называлась экономическая политика «нормализатора» Р. Никсона, когда он, вопреки своей доктрине, вернулся к традиции экономического регулирования Ф. Рузвельта — пример наложения периода *72* на стадию *772*).^[31]

Так или иначе, в 1993-м либо в начале 1994 года в стране возникнет некое подобие «нэпа». К власти окончательно придет поколение «детей застоя», воспитанное в номенклатуре КПСС, — циничные, прагматичные политики и предприниматели, уверенные в возможности эффективного государственного регулирования экономики и цивилизованной «твердой руки». Установится авторитарный, но сначала прагматичный режим, который допустит относительно свободное развитие частного сектора, но попытается регулировать экономику через «командные высоты», политику цен и заработной платы. Это, естественно, приведет к расстройству экономического механизма, а значит, к обострению фракционной борьбы в правящей касте. Фатальная неизбежность наступления нормализации не должна расхолаживать демократическую оппозицию в ее борьбе за демократию и самоуправление. Ведь от наших усилий зависит — примет нормализация характер авторитаризма на грани

тоталитаризма (Пиночетовское Чили) или авторитаризма на грани демократии (США Никсона).

В связи с тем, что значительная часть интеллигенции отнесется к этому режиму резко отрицательно, будет считать его фашистским или тоталитарным, возможны репрессии против деятелей культуры и строгая цензура. Но механизм репрессий быстро начнет втягивать самих носителей власти, и единственной возможностью для них жить спокойно будет переход к более лояльной политике.

От степени терпимости режима к инакомыслию и свободной экономической деятельности зависит и исход борьбы вокруг развилки *772*-*773* или *772*-*774*, которая придется, скорее всего, на 1994 г.^[32] Дело в том, что превращение России в классическую страну «третьего мира», которое будет знаменовать собой новый «нэп», приведет к неутешительным социальным последствиям. Массы безработных и малообеспеченных людей, вдохновленные недавним революционным опытом, придут в движение. На этот раз режим достаточно силен, чтобы справиться с волнениями. Но расправы могут подорвать остатки авторитета властей. В руководстве образуются различные фракции, которые по-разному видят пути выхода из кризиса. Это, естественно, чревато репрессиями одних кланов руководителей против других (37-й год в миниатюре). Поскольку такие дела оправдываются заговором, пострадает и множество ни в чем не повинных людей, косвенно связанных с «заговорщиками».

Но на этот раз общество не будет таким пассивным, как в 30-е годы. Инстинкт самосохранения поможет трезвомыслящим людям преодолеть страх. Большую поддержку получают приверженцы более либерального курса в руководстве. Оправившись от первого удара, они при поддержке интеллигенции и быстро возрождающейся оппозиции начнут провоцировать скандал. Авторитет высшего руководства будет подорван, углубится экономический кризис. А тут еще последует новый натиск национально-освободительного движения.^[33]

В этих условиях произойдет резкая, возможно связанная с переворотом или своего рода Уотергейтом либерализация режима в России. Начнется официальное и на этот раз нешуточное расследование деятельности тайных спецслужб. Произойдет вывод войск с территорий бывших союзных республик (или начнется настоящее отступление после серьезных поражений). В повседневную

жизнь снова войдут митинги и демонстрации, политические забастовки, протекающее относительно спокойно. Видимо, эта стадия *774* придется на 1994–1995 гг. [\[34\]](#)

Конечно, доживающий свое режим нормализации будет пытаться стабилизировать положение, восстановить свой контроль над обществом. Либеральные нормализаторы вскоре станут вполне консервативными. Но все-таки очень быстро им придется уйти (скорее всего, в 1996–98 гг. и, может быть, в результате массовых выступлений протеста). [\[35\]](#)

Режим интеграции приходится на самый конец тысячелетия. Именно с этого момента начинается относительно длительный период, в котором элемент интеграции присутствует постоянно — *78* — интеграция в нормализации, *79* — синтез формации интеграции, *81* — импульс формации интеграции, и далее сплошная эпоха интеграции на целые полвека, если не больше. Интеграция в России всегда мимолетна, — 1–3% времени, отведенного на всю эпоху. Если это соотношение сохранится и далее, то эпоха интеграции продлится около полувека, а вся история России — еще лет 500. [\[36\]](#)

Нами уже были отмечены основные черты интеграции. Рассмотрим несколько особенностей этого периода, соответствующих культурным традициям нашей страны. Прежде всего — это попытка совместить вещи, на первый взгляд несовместимые — общественный контроль за производством и антибюрократизм, ослабление давления на власть снизу и большую отзывчивость к требованиям оппозиции, борьбу за чистоту окружающей среды и дальнейшее развитие «рискованных» направлений науки, попытки осуществления коллегиального руководства и конфликт исполнительной власти с партнерами по политической системе.

В этих противоречиях есть своя логика, она, естественно, накладывается на другие черты этого периода — прежде всего плюрализм и терпимость в различных сферах. Новый популизм пытается примирить всех, а это чревато противоречиями. Официально признаются многие крамольные идеи периода конфронтации. Они еще трудносовместимы с реальной системой общественно-политических отношений, но уже вполне соответствуют настроениям в обществе.

Народ устал от противоборства. Руководство страны в этих условиях старается идти навстречу самым разнообразным

пожеланиям, но идти осторожно, чтобы не ущемить интересов ни одной из сторон. Поиск согласия в этот период не дает возможности проводить радикальные реформы, многое лишь декларируется, но уже сами эти обещания — достижение, равно как и долгожданная стабильность, повышение благосостояния населения. Именно в этот период стремление руководства совпадает с прежними призывами радикальной оппозиции — преодолеть отчуждение человека от собственности и власти: «Да, нужно вновь сделать французов индивидуальными владельцами Франции» — один из основных лозунгов В. Жискар д'Эстена (Жискар д' Эстен В. Власть и жизнь. М., 1990. с. 316).

Это — заря будущей эпохи интеграции. Уже сейчас социальная структура общества претерпевает подспудные, но немаловажные изменения. На место официальных отношений «начальник — подчиненный» приходят более личные, можно сказать семейные, отношения. Коллектив передовых производств Японии, Швеции, США и даже иногда России все более превращается в единое целое, где исчезает четкая грань между начальником и подчиненным, собственником и работником. В то же время сам работник становится все более самостоятельным в принятии решений, а начальник начинает обслуживать его экономические нужды. Отталкиваясь от поиска эффективных форм организации производства, семейные, личные отношения проникают во все сферы экономики и даже в политику. В то же время они имеют и оборотную сторону: мафиизацию общества — возможно, самую большую опасность XXI века, если не считать экологических проблем.

Многочисленные идейные течения и формы собственности, рожденные в эпоху конфронтации и смятые железным XX веком, должны сблизиться и заложить фундамент нового, стабильного, хотя и недолговечного общества. Возможно ли это? Почему нет — обратимся хотя бы к политическим доктринам, внешне непримиримым, но вполне совместимым (даже если исходить из их собственной внутренней логики).

Сейчас наша страна отказывается от идеи коммунизма. Впрочем, от коммунизма ли? Согласно официальной доктрине и учениям коммунистических идеологов (начиная с XIX века) коммунизм — это общество без государства, общество самоуправления и равных

экономических возможностей (т. е. общество без эксплуатации). Остальное — вторично. За коммунизм выступали, например, анархо-коммунисты, не разделявшие ни идеи диктатуры пролетариата, ни методов разрушения капитализма, которые использовали большевики. Недаром крестьяне, спасаясь от «военного коммунизма», собирались под знамена анархо-коммуниста Нестора Махно. Большевики, мечтая о коммунизме, в силу тоталитарной структуры своей партии и иезуитского характера политической стратегии и тактики, шли в прямо противоположном коммунизму направлении — укрепляли государство и неравенство. Идеи коммунизма никогда в России не были воплощены, Ленин их использовал для привлечения на свою сторону сплоченных люмпен-пролетарских масс, которые требовались для завоевания и удержания власти. ^[37]

Виновата ли в этом коммунистическая доктрина? Отчасти да: она содержит в себе немаловажное положение об общественной собственности, которую можно толковать и как собственность многих обществ тружеников (коллективная собственность), и как всенародную собственность всех (т. е. ничью) или как имущество государства (т. е. начальников). Столь удобная для подмен теория очень пригодилась тем, кто в момент катастрофы взялся строить новую империю. Потом коммунистическая теория была принесена в жертву режиму, как и поверившие Ленину пролетарии и интеллигенты. Но и сам по себе коммунизм словно тащит людей к авторитаризму. Анархо-коммунизм того же Н. Махно делает этого ветерана борьбы с коммунистами сторонником одного из наиболее авторитарных течений среди российских анархистов-эмигрантов.

В дальнейшем коммунистическая идея может эволюционировать в идеологию самоуправления, максимального развития демократии, поисков путей к социальной справедливости и сбалансированности. Кстати, так оно в большинстве случаев и происходит в Европе. Но для этого коммунистам необходимо пройти через покаяние и отказ от таких своих идей, как диктатура пролетариата и т. п. ^[38]

Мы уже заметили близость коммунистической и анархической идей. Анархия — безвластие, но не хаос, как ее привыкли понимать многие. В обстановке хаоса власть захватывает сильнейший, возникает диктатура преступных групп. А где власть, там уже нет анархии. Но государство — традиционное средство против беспорядка — само

способствует неразберихе и самым страшным преступлениям. Отсюда и внимание теоретиков анархизма к возможности замены государства иными формами координации человеческих усилий — самоуправлением, федерализмом и т. д. Мы приведем здесь только одно из многих высказываний теоретика анархизма М. Бакунина, доказывающих, что анархизм не противостоит организованности, а только выступает против касты государственных чиновников. Бакунин считает, что после социальной революции должна возникнуть «организация общества путем свободной федерации снизу вверх рабочих союзов как индустриальных, так и земледельческих, как научных, так и союзов работников искусства и литературы, сначала в коммуну, потом федерация коммун в области, областей в нации, и наций в международный братский союз» (Бакунин М. А. Избранные сочинения. Т.5. С. 197).

В то же время большая часть направлений анархизма несет в себе идеи непримиримой классовой войны, неприятие любого соглашения с государством и предпринимателем и тем более — участия в органах власти. Однако наиболее мощные движения под знаменем анархизма проявляли в этих вопросах немалую гибкость. Так, махновцы на Украине и анархо-синдикалисты Испании во время гражданской войны входили в органы власти, а местами и руководили ими, что делало работу анархистов более продуктивной. Избавление от собственных устаревших теоретических положений свойственно анархизму, который не приемлет всяческие догмы вообще.

Еще одно течение социалистической мысли — социал-демократия — также имеет немало общего с коммунизмом и анархизмом. Прежде всего — это общая идея социальной справедливости и социальных гарантий, против нее не выступит ни анархист, ни коммунист, ни даже грамотный либерал. Общество должно предоставлять равные стартовые возможности всем своим членам.

Разнообразие социал-демократических доктрин не позволит нам здесь остановиться на каждой из них. Возьмем за образец точку зрения одного из ведущих теоретиков современной российской социал-демократии О. Румянцева, сформулированную в мае 1989-го, еще до начала его эволюции к либерализму. Румянцев выделяет ряд опорных ценностей, на уровне которых социал-демократия не отличается, например, от того же анархизма. Это гуманизм, благополучие,

культура и коллективная свобода. Все эти ценности построены на фундаменте свободы.

Гуманизм рассматривается здесь как идейное раскрепощение личности; благополучная жизнь рассматривается как жизнь более свободная; культура определяет высокий уровень свободы выбора. При этом сама свобода должна существовать «для всех, а не для избранных», в чем, по мнению О. Румянцева, и состоит различие между социализмом и либерализмом (Румянцев О. Г. Об авторитарной модернизации и социал-демократической альтернативе. М., 1989. С. 10).

Создается впечатление, что иногда О. Румянцев не делает различия между требованиями, которые он предъявляет к обществу и практикой социал-демократов, оказавшихся у власти. Он провозглашает суверенитет личности, равенство возможностей в достижении благополучия, «свободный от принуждения труд, т. е. инициативное и творческое новаторство, направленное на полное самовыражение личности и эффективное обновление окружающей среды» (Там же. С.9). Воплощение в жизнь этих идей возможно лишь тогда, когда исчезнет общество управляемых и управляющих, протекционизм и социальное размежевание, пока не растворится и само государство — верховный суверен, превращающий лозунги суверенитета личности в пустые слова.

Ценности социал-демократов не совместимы с современным обществом государственности, индустриализма и жесткого социального размежевания. Почему же на практике социал-демократы стабилизируют именно это общество, и тот же О. Румянцев становится одним из творцов на редкость авторитарной конституции?^[39] Как и большевистское крыло социал-демократии, ее классические представители пытаются добиться своих целей с помощью авторитарных средств. Но цель не оправдывает средства, а пожирается ими. Социал-демократы-большевики уже доказали это. В центр конкретных программ социал-демократии ставится государственное регулирование экономики, бюрократическое перераспределение богатств общества от тех, кто их заработал, к тем, кто не смог (или не захотел) заработать столько же. В этих условиях не желают работать ни те, кто отдает (а зачем, если все равно отберут неизвестно для кого), ни те, кто получает (а зачем — ведь все равно заплатят), и только

огромный бюрократический аппарат методично создает иллюзию работы, что позволяет ему расширяться, поглощая все новые и новые средства.

Такая модель основана на совершеннейшем равнодушии общества — основная масса народа не участвует в принятии решений на производстве (за отсутствием самоуправления) и в обществе (в связи с тем, что крупнейшие политические партии уже монополизировали государственный небосвод), довольствуясь сытым застоём. Но сытость — понятие относительное: когда-то и достигнутый уровень перестает удовлетворять. Нужны новые подходы, известный динамизм. Может быть этот динамизм даст либеральная доктрина свободного рынка и гражданских прав для всех? Впрочем, здесь начинается все то же противоречие целей и методов. Если на рынке господствуют предприятия, управляемые авторитарными менеджерами, последние легко договариваются, выкидывают с рынка чужаков и делают его не свободным, а монополизированным. В странах «третьего мира» это приводит к весьма плачевным последствиям для покупателя.

То же касается и гражданских прав. Достаточно ознакомиться с декларацией прав человека, чтобы понять, как несовместима она с практикой любого государства, даже либерального. В качестве примера возьмем хотя бы статью 19, которая провозглашает «свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». Да какое государство допустит это? Оно спрячет от вас нужную информацию в одном из своих многочисленных сейфов, объявит ее государственной тайной, а если вы все-таки ее добудете и попытаете распространить «независимо от государственных границ», вас объявят шпионом. Впрочем, и опубликовать опасную для существующего порядка вещей информацию непросто — средства массовой информации сконцентрированы в руках нескольких монополистических центров, имеющих свою собственную цензуру.

Противоречие благородных целей и традиционных методов коммунистов, анархистов, социал-демократов, либералов — не исключение. То же можно сказать и о патриотах-почвенниках, и о Зеленом движении, и даже о монархистах. Стремление приблизиться к своим целям с помощью сильной государственной власти создает

естественную толкотню у правительственного Олимпа. Эта давка отзывается в обществе репрессиями, жестокими столкновениями поклонников тех или иных течений. Сама же государственная машина в это время «слушает, да ест». Ей важно лишь, чтобы государство оставалось достаточно могучим и чтобы решение всех вопросов шло через аппарат. А этому соответствует практика всех партий, для которых основное орудие решения общественных проблем — государственная власть.

Так, в каждом из течений выделяется два направления — для одного цель важнее власти, для другого — наоборот. Но цели всевозможных идейных направлений различаются прежде всего акцентами. Настоящие, идейные коммунисты хотят стабильности общества, устранения острых внутренних противоречий; вместе с социал-демократами они готовы отстаивать социальные права человека. Сами социал-демократы вместе с либералами и анархистами отстаивают еще и гражданские права личности. «Зеленые» не дают забыть об экологических правах. Почвенников заботит сохранность культурного наследия, духовности. Но есть ли непримиримое противоречие между этими направлениями?

Посмотрим на ту же проблему и глазами консерваторов некоммунистической направленности. Россия знает эффективный механизм местного социального регулирования — общину. Социальное обеспечение в ней не было обезличенным и не требовало громоздкого аппарата перераспределения. Если права общины будут определяться соглашением личностей, в нее входящих, это может дать надежную гарантию правам человека. Территориальное самоуправление, дополненное производственным — одно из требований анархистов. Введение различных форм самоуправления и групповой собственности поможет либералам и социал-демократам добиться монополизации рынка и свободной рыночной конкуренции предприятий с разными формами внутреннего устройства. В свою очередь, сильное территориальное самоуправление может остановить экономическую экспансию там, где она невыгодна населению (например, по экологическим причинам). Если предприятие хочет существовать на данной территории, оно должно или быть достаточно экологически чистым, чтобы его терпело население, или должно выплачивать местным жителям довольно большую компенсацию.

Полновластие населения на местах не допустит «закабаления» извне, разрушения дорогих народу традиций — каждая местная культура автономна и живет в свободном состязании с другими. Она может умереть только естественным путем.

Принцип локального общества (общинного, земского самоуправления и т. д.) не противоречит и идеям консолидации. На место искусственного, насильственного сплочения по вертикали будет приходить более органичное, основанное на добровольном договоре сплочение по горизонтали. Конфедерация земель может оказаться много прочнее унитарных империй. В действительно добровольных союзах народы отстаивают только общие интересы. Координация усилий автономных образований возможна через систему делегирования, описанную выше на примере Новгородской республики. Представители местных органов самоуправления могут делегироваться в вышестоящие органы для решения проблем более широкого региона, а представители этих региональных советов (земств, муниципалитетов, коммун) будут делегировать своих представителей в органы еще более вышестоящие, и так далее. При этом компетенция вышестоящих органов должна определяться соглашением нижестоящих, как при союзном договоре. Насколько эта идея делегирования способна примирить противоположные течения, говорит тот факт, что в Новое время выдвинул ее анархист М. Бакунин, а сейчас близкие идеи отстаивает противник не только анархизма, но и вообще социализма консерватор А. Солженицын. Признанный теоретик либерализма А. Сахаров предлагал аналогичный принцип положить в основу союзного договора между республиками.

Чтобы не обижать монархистов, союз территорий можно увенчать фигурой монарха с полномочиями английской или датской королевы. Традиция красива и никому не мешает. Так можно искать согласие ценностей различных социально-политических течений. Именно в этом согласии сущность грядущей эпохи интеграции. Подобным же образом возможно достижение согласия между религиозными течениями, поклонниками эзотерических наук и т. д. Во всякой среде есть люди, для которых идея — лишь средство достижения личного благополучия и власти, и те, для кого важнее поиск истины. Для первых конфронтация — необходимое средство самоутверждения. Вторые способны к согласию. Их время может наступить в обществе,

где роль централизованной власти значительно меньше, чем сейчас, и ее привилегии не порождают такой ненависти, как в наше время. Когда власть распылена, к ней приобщен каждый. Идеальные черты такого общества — приоритет прав личности над правами государства, строительство власти снизу на основе соглашений между вступающими в союз сообществами, участие всех общественных слоев в принятии решений на производстве и территории, стремление к преодолению разногласий между политическими течениями, свободный обмен информацией и продукцией. Во многом эти принципы противоположны основам нынешней эпохи: определению прав человека сверху, строительству системы власти и решению проблем общества из единого центра, отчуждению труженика от принятия решений на производстве, искусственное разжигание политических страстей в борьбе за власть. К идеалу общества согласия могут лишь приблизиться направления развития разделяющих нас учений, а насколько близко — это зависит от нас.

Как показывает опыт Запада, период конфронтации выдвигает, подчас очень шумно и безапелляционно, идеи децентрализации, суверенитета личности, свободного договора. Но лишь в период интеграции эти идеи учатся искусству компромисса. Однако сам период интеграции больше рассуждает о принципах, чем проводит их в жизнь. Централизованная партийно-индустриальная система сохраняется во всей своей полноте.

Первоначально политика периода интеграции дает неплохие результаты. Стабильность приводит к хозяйственному росту, повышается благосостояние населения. Но первый же экономический кризис вызывает панические ощущения в обществе. Люди теряют уверенность в завтрашнем дне, которой так гордились «интеграторы» (в России это, видимо, будут социал-демократы или умеренные сторонники самоуправления). Их короткое время заканчивается. Руководство начинает нервничать, его меры становятся все более авторитарными. Государственное регулирование хозяйства тем временем продолжает обострять хозяйственный кризис.

В 1998–2000 гг. «интеграторам» придется уступить бразды правления. Пришедшие им на смену люди не имеют, на первый взгляд, никакого сходства с обществом компромисса. Протеже динамичного молодого бизнеса, теоретики права сильного и немного пуритане —

эти люди приступят к решительной ломке всего, что кажется им отжившим. Из движений, которые уже вышли на поверхность, для этой роли годились бы либералы, близкие по взглядам к Л. Пияшевой, христианские демократы или коалиция радикальных сторонников самоуправления.^[40]

Опыт Франции показывает, что здесь возможны самые неожиданные варианты — в 1981 году у власти встали социалисты с планами решительного усиления роли государства в экономике. Жизнь заставила их действовать в прямо противоположном направлении. Здесь важна была решительность.

Наследство, которое достанется «синтезаторам» новой эпохи, будет бедственным. Кризис экономики, возможно довольно острый, растущая эпидемия СПИДа^[41], неравноправие разного рода автономных формирований, не доспоривших о разграничении своих полномочий, мощные и неуступчивые общественные движения, готовые сопротивляться тем преобразованиям, которые их не устроят.

Перед новой властью встанут тяжелые задачи — эвакуировать государственную машину из сферы экономики насколько это возможно, сломить сопротивление тех слоев населения, которые привыкли получать государственную помощь, сделать большинство людей собственниками своего «дела». Чтобы справиться с этими задачами, «синтезаторы» могут пойти на решительное столкновение с массовыми, как правило, профсоюзными, организациями. Столкновение может привести к общенациональным забастовкам. Возможно кровопролитие. Правительство все-таки победит, но страна так и останется расколотой на победителей и побежденных. Первые будут все более превращаться в приобщенные к собственности средние слои. Побежденным придется искать новое место в жизни, накапливая недовольство для следующего периода.

Такой жесткий вариант опасен своими долговременными последствиями. Классический его пример — политика М. Тэтчер в Великобритании. Более мягкий вариант демонстрирует Франция — социалисты прежде всего думают не о том, как победить социального противника, а о том, куда пойдут люди, высвобождаемые с производства. Выбор России будет зависеть от того, какая сила сможет взять на себя бремя синтеза — решительные противники «бездельников» или те, кто не прочь порассуждать о социальной

справедливости. Последние будут действовать более медленно, однако надежно.

На фоне разрушительных картин синтеза не очень заметны процессы, которые определяют его суть. Официальные отношения на производстве постепенно вытесняются неформальными. Покровительство фирмы работнику, фирма-семья (Япония), более свойские отношения между работником и менеджером, стирание граней между управляющим и управляемым по мере роста грамотности последнего, по мере компьютеризации (США) — это тот «конструктив», который все более переводит производственные отношения из вертикальной сферы в горизонтальную, с уровня приказания на уровень диалога, из технологической сферы в нравственную... Рабочие и предприниматели, интеллигенты и крестьяне, даже чиновники постепенно «переплавляются» в новый класс, сочетающий черты мелкого предпринимателя, рабочего и интеллигента. Марксисты презрительно называли этот класс «мелкой буржуазией», сейчас более употребимо название «средний класс», которое тоже ничего не объясняет.

Судя по всему, синтез в России будет скоротечным. После напряженной борьбы первых двух-трех лет III тысячелетия Россия преобразится.^[42] Это будет федерация автономий, связанных твердой (возможно даже излишне) властью. Экономический кризис не на долго прекратится, и жители станут лишь изредка вспоминать времена хозяйственных неурядиц. Государственное вмешательство в экономическую жизнь будет незначительным. Многие проблемы решатся за счет массовой компьютеризации. Она, в частности, нанесет удар по основам индустриальной цивилизации — концентрация людских и прежде всего интеллектуальных ресурсов в городах станет все менее необходимой. Мегаполисы постепенно опустеют — население рассредоточится по небольшим агломерациям Коттеджей, соединенных с внешним миром телевидением, телефонной связью и компьютерными системами. Нравы станут более суровыми, чему будет способствовать угроза заболевания СПИДом — уже не столь страшной болезнью, как до изобретения средств борьбы с ней, но все же еще очень опасной. Но СПИД — это еще не самая большая угроза, которая будет подстерегать нас на грани столетий. Именно в это время страна может перейти грань экологической катастрофы, о которой сейчас

столько говорят, но для предотвращения которой почти ничего не делают. Эта катастрофа может, наконец, заставить политиков пойти на радикальные экологические преобразования. Вопрос лишь в том, хватит ли времени. Впрочем, это уже сюжет XXI века. В конце XX века стремление к комфорту еще будет отвлекать внимание людей от экологических проблем.

Рост благосостояния может сгладить значительные противоречия в обществе, но они не исчезают — немалая часть общества недовольна переменами, ходят разговоры об угрозе фашизации режима, сохраняется безработица, часть рабочих традиционных отраслей, сокращаемых очередной перестройкой, не может переqualificироваться. Многие не принимают государственную политику из-за неуступчивости режима.

Эта картина — лишь один из вариантов общества, в котором нам придется жить в начале нового тысячелетия. Последовательность периодов неизменна, но длительность их зависит от нас.^[43]

(страница 336)

Однако горький опыт августовских «путчистов» вряд ли даст возможность «ельцинистам» повторить успех Керенского, спровоцировав «прокадетскую» военщину на корниловский мятеж.^[44] Трудно предсказать конкретную форму развязки этого конфликта. Здесь возможны несколько вариантов, обусловленных особенностями 1991 г. в отношении 1917 г.

Во-первых, у руководящего ядра «Временного правительства» («ельцинистский клан») есть шанс выйти из стадии «первой революции» (7662) раньше, чем это произошло в 1917 г. (тогда Временное правительство полностью выдохлось в пассивном реагировании на «вызовы» социальной катастрофы, пройдя весь цикл формирования до 6629).^[45]

Для того чтобы свернуть с дороги, которая ведет нынешний режим к катастрофе, есть две возможности. Первая — самопревращение «Временного правительства» в большевистский режим.^[46] Нельзя устанавливать «сильную исполнительную власть»,

не прибегая к репрессиям. Керенскому хватило совести отказаться от широкомасштабных репрессий, от установления открытой диктатуры, но он не смог перейти от чисто административной политики к реформам, которые могли бы расширить социальную базу Временного правительства. Нынешнее «Временное правительство» с его большевистским воспитанием способно перейти к диктаторским методам правления и совершить переход 76627-7663, соответствующий Октябрьскому перевороту. Чтобы перехватить инициативу у необольшевиков в этом деле, российским руководителям (возможно, уже во главе с Руцким) нужно консолидироваться с ДДР, используя пристрастие последнего к «чрезвычайным» мерам. Тогда «корниловский мятеж» станет бессмысленным, а «корниловски настроенные» репрессивные органы станут опорой нового режима.^[47]

(страницы 339–340 + 341)

Развилка *7663*-*7664* относится к 1992 г.^[48] Несмотря на исключительно важное значение этого момента российской истории, его последствия еще не будут необратимы ни в случае реакции, ни в случае патернализма. Резкое усиление исполнительной власти в случае реакции (аналог Октябрьского переворота) усилит сопротивление диктаторам со стороны парламента и части органов местного самоуправления (даже большевиков в 1917 г. не поддержала значительная часть Советов, а в условиях 1991 г., когда Советы осознали себя как органы представительства, а не диктатуры, их переход в оппозицию к авторитарному режиму еще более вероятен). Одновременно будет продолжаться экономический коллапс, который будет расцениваться диктаторами так же, как и в 1917 г. — как саботаж и происки реакции.

Решающее столкновение между исполнительной и представительной властью также произойдет в 1992 гг.^[49] В январе 1918-го большевикам удалось разогнать Учредительное собрание. Смогут ли они и в этот раз справиться с представительными органами — зависит от субъективных качеств многопартийной оппозиции.

Независимо от исхода этой драматической борьбы, в дальнейшем наступит некоторое затишье. «Белогвардейская атака» номенклатурной приватизации поначалу закончится столь же бесславно, как и красногвардейская атака на капитал — экономика не готова к административному изменению структуры собственности. Но и более мягкий вариант разгосударствления предприятий, основанный на передаче средств производства тем, кто на них трудится (с последующим перераспределением между более и менее модернизированными производствами) также в первое время завязнет — трудовые коллективы, не готовые взять предприятие в свою собственность, будут подыскивать капиталиста, готового принять бразды правления на условиях коллектива. А это тоже не быстрый процесс, хотя и более выгодный большинству населения.^[50] К тому же такой вариант реформы будет проводиться через Советы, а это органы, также пронизанные номенклатурными связями. Использовать эти связи для проведения мафиозно-номенклатурной приватизации труднее, чем в исполнительных органах — для этого Советы слишком открыты. Но замедлить процесс можно.

Таким образом, наступает стадия *7665* — маленький «застой».^[51] Тем не менее, экономический распад и политическая дезинтеграция империи будут осуществляться достаточно бурно и в этот период. Структурная перестройка скажется на состоянии хозяйства очень болезненно, что будет питать социальную напряженность и этнические конфликты. Если не удастся добиться цивилизованного варианта национального «развода» — проведения референдумов в пограничных территориях по вопросу о том, в каком образовании предпочитает жить местное население — то гражданская война разольется вдоль необъятных границ республик, неприкосновенность которых отстаивается с таким упорством. Нерушимость границ Грузии не спасла ее от войны в Осетии, нерушимость границ Азербайджана не спасла его от войны в Арцахе (Карабахе). Стадия *7665* — последняя возможность урегулировать эту проблему миром. Это касается и других проблем. Стадия *665* — это грань широкомасштабной гражданской войны. Любая искра может вызвать вооруженную борьбу всех против всех.^[52]

Если события будут опять развиваться по сценарию начала века, то в 1992 г. нам предстоит наблюдать обострение конфликта между

союзниками по правящему блоку («большевиками» и «левыми эсерами») по поводу национально-государственных (например — защита русскоязычного населения) и экономических проблем.

Но руководители правящего режима быстро разделяются со своими недавними союзниками (будем надеяться, что при этом обойдется без «ночи длинных ножей» и без пальбы в центре Москвы, как в июле 1918 г.).^[53] После этого кремлевские вожди перейдут к экономической диктатуре, которая окончательно дестабилизирует хозяйство и осложнит экономическое возрождение середины — конца 90-х гг.

---

notes

Примечания

*

Примечание 2012 г. — сейчас я предпочитаю использовать для обозначения этого периода название «консолидация».

1

«Известия» 16.04.1994.

«Принципы функционирования двухпартийной системы в США»,
ч.2 М., 1989. С.103.

Иванян Э. «Президенты и политика», М., 1976. С. 306.

См., например, «Уровень нашей жизни в 1913–1993 гг.»
Аналитический справочник. М., 1995. С.42.

Подробнее см., например, Фурсенко А. А. «Критическое десятилетие Америки», Л., 1974.; США: от «великого» к больному... М., 1969.

См., например, Мальков В. Л. «Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии», М., 1988. С. 134–135.

Периодизация в соответствии с описанными выше чертами периодов составлена, в частности, по: Кремер И. С. «ФРГ: этапы „восточной политики”», М., 1986; Брандт В. «Воспоминания», М., 1991; Советская историческая энциклопедия, Т.14. М., 1973. С. 1006–1022; Там же Т.6. М., 1965. С. 644–653, 658; Италия. М., 1973; Холодковский К. Г. «Италия. Массы и политика», М., 1989.

См. например: Черкасов П. П. «Агония империи», М., 1979;
Молчанов Н. Н. «Генерал де Голль», М., 1972.

См. Шубин А. В. «Гармония истории», М., 1992. С. 87–96.
Прим. fb2: см. Приложение.

В первой, чисто эмпирической версии предлагаемой теории, которая была сформирована в 1988–1990 гг. и опубликована в 1992 г. в научно-популярной книге «Гармония истории», предлагался другой порядок смены стадий — неполный цикл. Эта идея «работала» на том материале, который был собран в то время. По мере дополнительного анализа исторической реальности идея «неполного цикла» стала противоречить материалу ряда стран и к тому же привела к ошибкам в прогнозах (точно предсказав события 1993 г., «Гармония истории» была недостаточно точна в прогнозе политической борьбы 1992 г., то есть более близкого на тот момент времени). Выход был найден после обнаружения общих закономерностей, которые определяют смену периодов. Благодаря А. Константинову, указавшему на недостаточную связь этих закономерностей и механизма смены стадий, удалось обнаружить ошибку и перейти от идеи «неполного цикла» к более соответствующей как конкретно-историческому материалу, так и общим закономерностям идее возможного выпадения трех средних стадий.

Подробнее см. Шубин А. В. Ук. соч. С. 104–117.
Прим. fb2: см. Приложение.

См., например, Кожокин Е. М. «Государство и народ. От Фронды до великой революции», М., 1989.

Энгельс Ф. «Анти-Дюринг», М., 1988. С.264.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46 Ч. 1 С. 462–465.

См., например, «От доклассовых обществ к раннеклассовым.» М. 1987, С.58.

Подробнее см. «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока», М.1966.

Тойнби А. «Постижение истории», М.1991. С.534.

Вышеславцев Б. П. «Кризис индустриальной культуры. Марксизм, неосоциализм, неолиберализм», New York, 1982. С.13.

См. например, «Путь» № 1 1992 С.17, 48, 56.

См. Померанц Г. «Выход из транса», М., 1995. С. 239–282;
Тартаковский М. «Историософия», М., 1993.

На явное сходство социальных структур Древней Руси и Древней Греции обратили внимание исследователи российской истории И. Фроянов и А. Дворниченко. Но в центре их внимания оказалась не этакратия, существующая не только в Греции, но и на Востоке, а полис — частный случай этакратии. См., Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. «Города-государства Древней Руси», М., 1988.

Когда в 1990 г. теория исторических периодов была впервые сформулирована, автор ошибочно причислил к таким странам и Индию: Шубин А. В. Ук. соч. С. 63–65. Более тщательное исследование показало, что это не так — Индия лишь недавно вступила в индустриально-этакратическую эпоху. Исследование темпов прохождения различными странами предложенных в этой статье периодов нередко приводит к уточнению хронологических рамок периодизации, но автору еще не удалось найти страну, которая не подчинялась бы описанным закономерностям.

Прим. fb2: см. Приложение.

Там же С. 341.

См. Вильчек В. «Прощание с Марксом», М., 1993. С.146.

Близкая схема предлагается в работе Ю. Яковца, хотя он и не разделяет предлагаемый нами фрактальный подход. См. Яковец Ю. В. «История цивилизаций», М., 1995.

Триада традиционное (аграрное) — индустриальное — информационное общества наиболее полно обоснована в работах О. Тоффлера. См. Toffler A. «Third Wave», L., 1981.

Вернадский В. И. «Научная жизнь как планетарное явление»,
М.1991. С.167.

Выдающийся психиатр Э. Фромм провел подробный анализ косного начала в психике человека — некрофилии. В то же время остальные начала Э. Фромм связывал с жизнью как единой противоположности некрофилии. Эта двухполюсная структура, унаследованная от З. Фрейда, представляется нам недостаточной, так как игнорирует качественные различия между логикой развития животного и человека. См. Э. Фромм. «Душа человека», М., 1992. С. 30–46.

Ключевую роль инстинкта продолжения рода («эрос») признавал и З. Фрейд, но он противопоставлял его инстинкту смерти («танатос»), признавая в то же время и важную роль страха (производное инстинкта самосохранения). (См., например, Ф. Виттельс. «З. Фрейд. Его личность, учение и школа», М., 1991. С. 59–70, 94-104.) Э. Фромм показал, что стремление к смерти является в значительной степени следствием особенностей цивилизации. (Э. Фромм. Ук. соч.)

Сорокин П. «Человек. Цивилизация. Общество», М., 1992. С. 417–418.

Драгунский Д. В. «Макрополитика. (Заметки о детерминантах национального поведения)» // Полис. 1995, № 5.

Фролов Э. Д. «Рождение греческого полиса», Л., 1988. С.58.

Подробнее о гражданском слое см. Шубин А. Ук. соч. С.287.
Прим. fb2: см. Приложение.

См. Шубин А. «Великобритания» // Социальные движения на Западе. М., 1994. С. 177–185, 201–206.

Прогноз автора относительно форм периода *58* см. Шубин
А. В. Ук. соч. С. 289–291.

Прогноз развития России в 1992–2003 гг., частично оправдавшийся, см. Там же С.263, 270–286, 339–341. Не во всем оправдался прогноз партийной жизни начала 90-х гг. — партия А. Руцкого, в которой автор видел значительную угрозу демократии, раскололась и потеряла свою ударную силу. В итоге лидерство в авторитарном лагере сохранилось за Б. Ельциным, который действовал по сценарию, описанному в «Гармонии истории» (С.336, 341).

Прим. fb2: см. Приложение.

Toffler A. Op.cit. P.23.

Op.cit.

См. Шубин А. В. «Дамоклов меч юга» // Исаев А., Шубин А. «Демократический социализм — будущее России», М., 1995. С. 98–100.

О связи социальных преобразований и экологической проблемы
см. Шубин А. В. «Социальная экология» // Там же, С. 101–109.
Шубин А. В. «Гармония истории» С. 287–294.

Прим. fb2: см. Приложение.

Хоть сам текст датируется 1991-м годом, все нижеследующие примечания — 2012 года.

В этом месте я очевидно преувеличил реформаторские замыслы Голицына. Однако это не сказывается на оценке предпетровского периода с точки зрения периодического анализа: как и в период НЭПа сохраняется коллективное руководство победителей радикальной «фундаменталистской» оппозиции, умеренная вестернизация.

На этом этапе истории XX века была осуществлена операция «Весна» — массовые аресты старого офицерства в 1930 г.

Здесь также отметим, что в 1990 г. я разделял иллюзии по поводу эффективности и самостоятельности советских кооперативов.

История с Рютиным изложена здесь на уровне тех слухов, которыми мы располагали в 1990 г. Сейчас мы знаем ситуацию более точно. См., например, Шубин А. В. 1937. «Антитеррор» Сталина. М., 2010. С. 68–84). С позиций современного знания аналогии с ситуацией конца XVII — начала XVIII в. только усиливаются.

Это различие не представляется мне сейчас особенно существенным. С правами или без прав царя, но Сталин все время находился под угрозой дворцового переворота, как государи XVII–XVIII вв.

Собственно, и Сталин не был пацифистом. Здесь можно провести и аналогии между конфликтом на КВЖД 1929 г. и Албазинским конфликтом 1685 г. А уж в 1939–1940 г. Сталин вернулся к задачам внешней политики Петра и решил их с лихвой. Правда за это пришлось заплатить в 1941 г., но это — уже серьезная развилка, связанная с внешнеполитическими причинами.

Сейчас, когда возникла возможность изучать следственные дела 30-х гг. XX в., я считаю, что и в случае с делом Алексея, и с процессами «партий» в начале 30-х гг. XX в. следственные дела являются источником некоторой достоверной информации. В обоих случаях оппозиционные группировки существовали, просто следствие приписало им дополнительные демонические замыслы и заставило признаться в них, чтобы оппозиция была скомпрометирована.

Собственно, рютинцы уже отошли от Бухарина и взяли на вооружение некоторые идеи левой оппозиции. Но «партия Бухарина» тоже продолжала существовать и даже провела свою конференцию в 1932 г.

Эта версия, бытовавшая в 1990 г., не подтвердилась. Группа Сырцова-Ломинадзе была выявлена благодаря доносу еще на стадии консультаций.

Широкие репрессии тогда не последовали. И это, по всей видимости, привело к продолжению оппозиционной деятельности участников этого дела. Так что на этом этапе развития режима Сталин действовал менее сурово, чем Петр. Он пока не казнил «наследника», а лишил его наследства. Началось восхождение нового кронпринца — Кирова.

1. Впрочем, и Хрущев не пошел на ликвидацию колхозной системы, как Александр не пошел на отмену крепостничества. Должен признать, что я пересмотрел свое представление о периоде патернализма в Российской империи и датирую его 1727–1825 гг. Однако это не обесценивает наблюдения, данные в «Гармонии истории». Важно понять, что оттепель» в СССР имеет множество сущностных подобий с ситуацией в Российской империи в начале XIX века, хотя это — уже финал периода патернализма XVIII–XIX веков. После примечаний я даю свое нынешнее представление о подобиях периодов патернализма в СССР и Российской империи.

2. В книге границей этой стадии был 1810 г., но дата 1807 г. — уместнее.

3. В СССР происходил подъем молодежного движения, преддиссидентская стадия общественного движения. Впрочем, и в Российской империи можно говорить о преддекабризме на этой стадии. Надо отметить, что французское вторжение слишком серьезно повлияло на ритмы, чтобы проводить прямые параллели с советской «оттепелью» для этой стадии.

С 2004 г. я ввел понятие «информалиат» для такого класса в постиндустриальном (моделирующем) обществе. Владение акциями для него не нужно, так как он станет основой, где собственность уже не имеет прежнего значения. Современный «гражданский класс — это протоинформалиат, активная часть средних слоев. Гражданский класс — прошлого — это разночинцы и подобные им слои.

Точнее — и рабочему, и управленцу, и интеллигенту в одном лице.

Точнее — экономики и культуры.

Это было написано в 1990 г. С тех пор теория нового класса работников — «гражданского класса» — трансформировалась в теорию информалиата, о котором можно прочитать здесь:

www.informacional.su/component/content/article/21-manifest

Несмотря на то, что кампания гражданского неповиновения в России сейчас действительно встала в повестку дня, это, видимо-еще не начало импульса эпохи интеграции. После распада СССР Россия пошла по пути деградации и на какое-то время утратила свой исторический шанс. То, о чем здесь говорится, в начале XXI века стоит в повестке дня Западной Европы и Северной Америки.

В общем, довольно точная картина современной социально-политической борьбы от бурлящей Греции до гарных украинских дивчин, демонстрирующих себя топлес в знак протеста.

В «Ритмах истории» приняты уже другие обозначения этого периода — *58*.

В то время мы, как анархо-синдикалисты выступали вообще против государственных структур, в том числе и в обновленном Союзе. В XXI веке я выступаю за сохранение некоторых общесоюзных структур, действующих в четко очерченной сфере компетенции. Подробнее см. Шубин А. В. Ведьмино кольцо. Советский Союз XXI века. М., 2006.

Разумеется, попытки определить хронологические рамки стадий шестой эпохи чисто условны.

Проблема тоталитаризма будущего сегодня вырисовывается все более определенно в связи с развитием тотального информационного контроля и манипуляции массовым сознанием.

Любопытное попадание в точку — упоминание «пиратов» в информационном обществе — задолго до всяких пиратских партий.

Это было написано осенью 1990 г. Книга была издана уже после ГКЧП, который хотя и ввел чрезвычайное положение, но не стал распускать парламент. Ради чистоты эксперимента в тексте я уже не стал уже ничего менять. Но уже после выхода книги Ельцин повторил ЧП и на этот раз добил парламент. Отсюда урок — недоделанная работа истории доделывается на следующем этапе общественного развития.

Это соответствует картине 1991 г.

По действующей сейчас нумерации это *44* и *544*

Либералам, то есть кадетам, я тогда нечаянно польстил.

В 90-е гг. я считал, что мы уже перешли к нормализации после расстрела Белого дома, так как революция на этом кончилась. Однако сейчас могу внести поправку. Период конфронтации может продолжаться и после завершения революции. Черты периода конфронтации преобладали в 1986–1999 гг., а нормализация началась в 2000 г.

То есть *50* и *550*.

То есть *550*-*551* или *550*-*552*. В 1994 г. энергия «реакции» вся ушла в Чечню. Это локальное кровопролитие помогло режиму решить и ряд внутренних задач, обезопасить себе от генералитета, увязшего в этой войне. Репрессивная работа по приструниванию элиты была доделана в 2001–2003 гг., то есть действительно в период нормализации. Небольшой всплеск социальных волнений, о котором говорится в следующих строках, имел место в 2005 г.

С учетом внесенной выше поправки можно сказать, что этот прогноз осуществлялся в две волны. В незрелой форме — во время затухающей конфронтации 90-х гг., и затем снова в период нормализации нулевых годов и, возможно, событий, предстоящих в 2012–2014 гг.

Здесь заметно, что речь идет о сценарии развития, в котором СССР сохраняется, хотя и на меньшей территории. В 1990 г., когда я это писал, такой сценарий был вполне возможен. В реальности события *552* оказались не столь радикальными. В 90-е гг. часть этого прогноза осуществилась в 1996–1999 гг. (политическая дестабилизация, завершение первой чеченской войны, попытки импичмента Ельцина и его досрочный уход). В условиях произошедшей действительно нормализации нулевых описанные события в какой-то части, возможно, еще впереди.

Режим висел на волоске, массовые выступления действительно произошли, шахтеры перекрывали железные дороги, у Белого дома бушевали оппозиционные массы, но режим устоял.

Эти прогнозы на периоды *56*, *57*, *58* и эпоху *6* страдали рядом недостатков, о которых сейчас важно сказать. Во-первых, при таких длинных перспективах не стоит давать хронологические привязки. Должен признать, на это меня тогда толкнула юношеская самоуверенность, научного обоснования длительности предстоящей истории России у меня не было, да и ни у кого до сих пор нет. Во-вторых, и это более важно, я тогда считал, что движение общества может быть только поступательным, потому что культура все время накапливается. В середине нулевых годов, анализируя исторический материал и современную действительность, я пришел к выводу, что возможна и деградация современных обществ. Это значит, что история движется как бы в обратном направлении. Происходит это постепенно, так как часть общества сопротивляется такой деградации. Рассуждения о том, что после распада СССР у нас произошло первоначальное накопление образца XVI в., или что мы провалились в феодализм — это либо публицистические преувеличения, либо отражение реального процесса, но не межформационного, эпохального масштаба, а его подобия на стадиях более низкого порядка. При такой оговорке аналогии с далеким прошлым вполне уместны. Но пока общество деградирует, оно не может решать задачи своей эпохи, приближаться к следующей эпохе (формации). Поэтому смена периодов замедляется, и в рамках одного периода проступают черты предыдущих. Так, с 1991 г. и поныне Россия жила в условиях периодов *54* и *55*, но одновременно деградировала по моим предварительным оценкам до уровня *52*. В-третьих, общество, как было написано и в «Гармонии истории», и в «Ритмах истории», история развивается не по одной линии. Нужно учитывать и «дорожки», по которым идет страна. Но я тогда не исследовал специально фактор «смены дорожки», хотя речь идет и об этом в связи с угрозой ухода страны в Третий мир. Эта смена дорожки может вызывать к жизни как элементы будущего, связанные с этой «дорожкой», так и более старые эпохи, соответствующие новой колее, когда-то покинутой и теперь вновь обреченной. В случае с Россией речь идет, конечно, об истории Российской империи. Мы все

еще индустриальное городское общество, в отличие от царских времен, но империя «притягивает» нас, тянет страну к уровню *37*-
40, к ситуации начала XX в.

Эти суровые оценки в значительной степени продиктованы логикой оппозиционной борьбы в которой я тогда, в 1990 г., участвовал. Но даже если смягчить критику большевизма, суть моей идеи того времени от этого не меняется — большевики не смогли воплотить коммунистические идеи в жизнь.

Под покаянием имеется в виду осуждение террористических сторон советской истории. Сегодня, когда мы об этом знаем все, что хотели узнать, это требование конечно уже не актуально. Важнее теоретическое принятие коммунистами тезиса: диктатура пролетариата — это власть трудящихся над элитами, а не диктатура элит, выступающих от имени пролетариата. Такое осознание характерно для многих коммунистических идеологов постсоветской эпохи и коммунистов — «диссидентов» XX века.

Надо признать, что в итоге полемики по проектам конституции 1990–1992 гг. у комиссии О. Румянцева получился вполне демократический для своего времени проект. Здесь отразилась наша полемика с социал-демократами того времени, когда мы критиковали их за ельцинизм, готовность идти на излишнее усиление президентских полномочий.

Забавное «попадание в точку»: в 1997–1998 гг. у власти действительно находились проводившие подобный курс «молодые реформаторы», при чем один из них, первый заместитель премьера Б. Немцов был членом Российского христианско-демократического движения в 1990–1991 гг., а в 1997–1998 гг. пригласил работать своими советниками христианского демократа В. Аксютин и анархиста (то есть радикального сторонника самоуправления) А. Шубина. Казалось бы, очень удачный прогноз. Но мы должны помнить о приведенной выше поправке — на календаре сменялись не периоды, а лишь стадии развития, и все эти предсказанные здесь явления в 90-е гг. были еще крайне незрелыми, а значит — неустойчивыми. «Младореформаторы» надеялись, что им дадут проводить свой курс до 2000 г., а правительство рухнуло уже в 1998 г.

Тогда СПИД был символом новых непредсказуемых заболеваний, здесь речь должна идти, конечно, не о конкретной болезни, а о проблеме в целом.

Увы, пока в России продолжается процесс деградации, нельзя сказать, когда это преобразование станет реальностью. Сначала нужно развернуть вектор с деградации на возвращение к прогрессу. Возможно, речь идет не о первых годах, а о первых десятилетиях III тысячелетия.

Конечно, в 1990 г. мне хотелось, чтобы в начале следующего тысячелетия моя страна была среди лидеров прогресса, и я относил к ней прогнозы, касающиеся мировых лидеров. В общем, эта картина больше соответствует современным тенденциям развития Западной Европы и США. Экологическая проблема в «зоне процветания» была смягчена за счет вытеснения грязных технологий в Третий мир. Из Третьего мира продолжается приток населения, что препятствует сокращению мегаполисов, хотя средний класс и перемещается в коттеджные пригороды.

Это мое предупреждение конца 1991 года не было услышано лидерами оппозиции, она все же наступила на эти грабли, и в 1993 г. дала спровоцировать себя на действия, которые были истолкованы елицинистскими медиа как мятеж.

В сегодняшней классификации речь идет о событиях стадий *544* — *548* в 1991–1993 гг. и *440* в 1917 г.

Именно этот вариант и стал осуществлять Ельцин, пойдя по пути «белого большевизма», большевизма по методам, антибольшевизма по целям.

Здесь речь идет о неосуществившейся авторитарной альтернативе во главе с Руцким. Сам генерал был к этому склонен, но поскольку сам Ельцин пошел по пути авторитаризации системы, а Руцкой выпал из команды ельцинистов, то Руцкому пришлось вступить в антиельцинский блок, опиравшийся на представительную ветвь власти. Движение демократический реформ (ДДР), выражавшее номенклатурные интересы под демократическим лозунгами, в результате распалось. Однако в случае победы Руцкого в столкновении 1993 г. (а такая возможность всерьез рассматривалась до октября этого года) «большевистский сценарий» во главе с ним снова встал бы на повестку дня. В случае, если бы Руцкой сменил бы Ельцина на посту президента, он скорее всего вступил бы в конфронтацию со своими демократическими союзниками. Это в микромодели подтвердила и авторитарная практика руководства Руцким Курской областью уже при Ельцине. «Россия Руцкого» также должна была бы пережить еще один виток борьбы президента и представительной власти уже в 1994 г.

То есть *5441*-*5442*.

В 1992 г. оно только началось, а закончилось уже в 1993 г.

Близкий к этому прогноз оправдался в 1994–1996 гг., когда приватизация по Чубайсу сменилась залоговыми аукционами. Увы, сделано это было так, что не оказалось более выгодно населению и работникам, потому что после подавления представительной власти можно было использовать не соглашение с коллективом, а махинационные схемы.

То есть *5443*. В «Ритмах истории» уже пересмотрено представление о порядке смены стадий. Но эти детали политической борьбы 1993 г. предсказаны относительно верно, особенно если уточнять ретропрогноз с поправкой на порядок смены стадий. Ниже идет прогноз распада империи, который относится ко всему пространству бывшего СССР.

Гражданские и межнациональные войны в 1992–1994 гг. действительно произошли на территории Грузии, Абхазии и Таджикистана, обострился армяно-азербайджанский конфликт.

Этот фрагмент заключения к книге, написанного осенью 1991 г., строит прогноз развития политической ситуации на стадии *544*–*588*, которые должны были по моему мнению, тогда оправдавшемся, приходиться на 1991–1993 гг.

К сожалению, не обошлось. Пальба в центре Москвы состоялась в октябре 1993 г.

Увы, и это предупреждение не было тогда воспринято обществом, и мы увидели аналог июльских дней 1918 г. в сентябре-октябре 1993 г.